

ДЕЛО ТРУДА

ОРГАН РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ

« **DIELO TROUDA** » Journal Mensuel

5-ый год
издания

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:

Mr G. Franssen (pour Dielo Trouda) 9, rue de l'Eperon, Paris VIe

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
им. В. И. ЛЕНИНА

64-224

ОРГАНИЗАТОРСКИЕ ТАЛАНТЫ МАСС

Общезвестно, что чем хуже обстоит у большевиков дело с социализмом, тем красочнее их статьи о процветающем, якобы, у них социализме. Особенно усердствуют они такими статьями в разного рода особых случаях.

Ко дню пятилетия смерти Ленина «Правда» напечатала ряд статей, посвященных памяти последнего, и между прочим статью самого Ленина — «Как организовать соревнование» — до сих пор не печатавшуюся. Напечатание этой статьи сейчас, а не 10 лет тому назад, когда она была написана (в конце 17-го или начале 18-го г. г.), представляет для нас ценность, какой она не могла иметь ранее. Статья затрагивает огромного значения вопрос о роли масс в революции и в революционном строительстве. Благодаря этому, она невольно наталкивает каждого на сравнение октябрьских лозунгов и «идеалов» большевиков с той действительностью, которую установили большевики под покровом этих лозунгов и «идеалов».

В этой статье Ленин полемизирует с буржуазными политиками и писателями по вопросу о способностях рабочих и крестьян самим создавать новую общественность. Расчет испровергнутых в октябре эксплуататорских классов был построен на том, что широкая рабоче-крестьянская масса, неспособная, по их мнению, к творчеству, не справится с теми колоссальными задачами организационного характера, которые поставил перед ними Октябрьский социальный переворот. А раз не справятся, то непременно придут с повинной к капиталистическим классам. Ленин по этому поводу набросал план большевистского учета и контроля, который должен будет сломить сопротивление буржуазии, план мало интересный для нас ввиду его ультра-государственнического характера. Но вместе с тем он несколько раз подчеркнул, что напрасны надежды буржуазии на неспособность рабочих и крестьян к творчеству. «Организационных та-

лантов в крестьянстве и рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, бороться самостоятельно за строительство социалистического общества». — («Пр.», 20 января 1929 г.).

Писалось это в дни, когда большевики только что захватили власть, но еще не укрепили ее за собой и когда, следовательно, в борьбе с низвергнутыми господствующими классами они опирались не только на революционную мощь масс, но и на их организаторские таланты.

Нет никакого сомнения в том, что трудящиеся таят в себе огромные творческие способности, которые при благоприятных условиях проявляются во весь свой гигантский рост. Мы видим это на примере русской революции, где все важнейшие проблемы труда получили свое разрешение в момент высшего проявления инициативы и организаторских талантов масс.

Конфискация трудящимися земли, фабрик, заводов; создание системы советов и фабрично-заводских комитетов, партизанские войны с оккупантами и контрреволюцией — все это прежде всего суть проявления инициативы и организаторских талантов масс. И мы, анархисты, всегда утверждали и утверждаем, что лишь при максимальном развитии этой инициативы и этих талантов возможно успешное завершение революции и подлинное освобождение трудящихся. Мы сразу встали в резкую оппозицию к большевикам, когда увидели, как они, захватив власть, начали подменять инициативу и творчество масс своими, чисто правительственными декретами.

Постепенно эти декреты, подкрепленные аргументами от чека, задушили всякое проявление революционной самостоятельности масс и всю революцию превратили в сплошную военно-бюрократическую казарму. И если на

11-ом году низвержения капиталистических классов дело освобождения рабочих и крестьян от наследия капитализма не только не подвинулось вперед, но в сравнении с октябрьскими достижениями пошло назад, то причину этого является *исключительно* убоение властью всех революционно-творческих устремлений масс.

Великие творения этих масс — советы и фабрично-заводские комитеты — превращены в механических рабов новой власти, не имеющих ни мысли, ни воли, а масса, как инициатор и организатор, полностью устранена от процесса общественного строительства. Правда, из года в год большевики много пишут о привлечении масс к делу строительства, но их писания, как и все у них, имеют определенно большевистский смысл: массы следует привлечь к тому или иному делу лишь в качестве *верноподанных* компартии, слепо приемлющих все указания и постановления последней. Это наглядно видно, например, на раздуваемом теперь лозунге самокритики. По внешности, как и всегда, лозунг великолепный: заявляя о своих думах, желаниях, критикуй зло, ошибки. На самом же деле, критиковать позволительно лишь те «маленькие недостатки механизма», которые мешают развитию и укреплению партийной диктатуры. Критикой этих недостатков ранее скромно занимались отдельные сотрудники столичных газет. Теперь же, в виду проявляемой массами потребности в свободном критическом слове, на этих мелочах стремятся сосредоточить внимание последних, дабы предупредить развитие критики *в основном вопросе*. И там, где дело мало мальски принимает характер критики в основном, при том рабочей критики, там власть сразу же начинает говорить с самокритиками методами ГПУ. Случай с левой оппозицией в рядах ВКП, продолжающиеся аресты этой оппозиции, а также анархистов, красноречивее всего показывают смысл большевистского лозунга самокритики.

До какой степени разговоры большевиков об организаторских талантах масс, об их самостоятельности, самокритики и т. д. являются не более как маневром, прикрывающим их прямо противоположные поступки, видно из реального положения рабочих. В советскую печать проликают крайне ничтожные сведения об этом положении. И все же в этих ничтожных сведениях можно увидеть подлинное положение дел. Приведем несколько примеров. В «Правде» от 22 ноября 1928 года внимание предстоявшего 8-го съезда профсоюзов обращалось на «низкую посещаемость рабочих собраний и вообще недостаточную активность членов союзов». В Горловском районе Донбасса «на собрания членов союза в руднике № 1 приходит только 15 - 20 процентов рабочих». «Собрание рабочих на фабрике «Красная Заря» (Москва) посещается сотней или двумя сотнями рабочих; между тем, как на «Красной Заре» работает 2.500 человек». На ленинградской фабрике «Возрождение» в пере выборах фабричного комитета участвовало: «в мае 1927 года 35 процентов членов союза, в марте 1928 года — уже 28 процентов, а в последних октябрьских пере выборах и того меньше — только 13 процентов».

В чем же дело? Почему к такому, казалось бы, своему

кровному делу, рабочие не проявляют никакого интереса? На это рабкор с того же завода «Возрождение» дает следующий ответ:

«В цехах и в убогих положении оценивается так: мы фабком не избирали. К нашему голосу не прислушиваются (курсив рабкора). Зачем же нам идти на собрания?» («Пр.» от 22 ноября, 28 г.).

Точно также оценивают положение дел рабочие Баумановского района. «От собраний нет толку — говорят они. — Мы выносим постановления, а в жизнь их никто не проводит, за выполнением их никто не следит. Это еще хорошо, когда в резолюцию запишут наши предложения, а то часто бывает так, что мы говорим одно, а в резолюции пишется другое. Резолюцию нам подают готовенькую. Мы ее не составляем». («Пр.» от 22 ноября, 29 г.).

Рабкор Дементьев с завода «Шестерня» (Москва) так определяет некоторые причины, убивающие в рабочих интерес к собраниям: «Рабочие рессорного цеха да и других цехов много говорят о низких расценках. Фабком не придает этому никакого значения. Между тем недовольство рабочих стучается и стучается. Недавно девять рабочих, разувшись в том, что союз добьется повышения зарплаты, коллективно потребовали расчета. Их рассчитали. Это вызвало протесты и возмущение в других цехах завода».

Подобных данных, просачивающихся в советскую прессу и свидетельствующих о полном отрыве большевистского режима от масс, можно было бы привести значительно больше. Мы воздерживаемся от этого в целях экономии места. Приведем еще лишь один выразительный пример. Редакция «Правды» созвала на совещание по вопросам рационализации производства иностранных рабочих, работающих на московских фабриках и заводах. Вот их заключение: отношение администрации к инициативе рабочих никуда не годится. Чрезмерный бюрократизм. «В особенности горячо иностранцы возмущались тем, что всякие новшества, усовершенствования производятся у нас после длиннющей волокиты, после громадных сопротивлений. Они, например, совершенно не понимают отношения многих советских директоров к изобретателям, к предложениям производственных совещаний. «В Америке, инициативный рабочий, — говорили они, — правая рука инженера, а у вас предложени такого работника лежат в канцеляриях». («Пр.» от 4 ноября 1928 года).

Само собою разумеется, что случаи вопиющего бесправия рабочих, поскольку эти случаи вызывают протесты и возмущения рабочих, сов. пресса подвергает той или иной критике. Но ясно каждому, что критика эта не может иметь никакого значения. Ибо бесправное, придушенное положение трудящихся вытекает из режима партийной диктатуры, могущего держаться только на насилии и подхалимстве.

Так, на деле, а не на словах относятся большевики к инициативе масс, к их организаторским талантам, к их праву самостоятельности. Все это в их руках служит лишь

предметом демагогии, эксплуатации в целях укрепления их партийного владычества. Революционная самостоятельность масс, их творческие способности задушены, а с ними вместе задушена революция. Чтобы освободить последнюю, необходимо освободить первые. Рабочий класс не враг себе, как думают большевики, преследующие его за свободное выражение пролетарского мнения. Наоборот,

лишь цельное и полное выражение этого мнения выявит волю трудового люда, поможет ему стать на здоровый путь классовой самостоятельности и самоосвобождения, выявит всю силу его гигантских организаторских талантов и сделает непобедимым в его могучем порыве к царству свободы.

П. АРПИНОВ.

К 10-ОЙ ГОДОВЩИНЕ РЕВОЛЮЦ. ПОВСТАНЧЕСТВА НА УКРАИНЕ - МАХНОВЩИНЫ

Как известно, черная измена большевистских вождей идеям октябрьской революции привела всю большевистскую партию и ее «пролетарскую, революционную» власть в стране к позорному миру с иностранными царями — с Вильгельмом II-ым Немецким и Карлом Австрийским, а затем к еще более позорной вооруженной борьбе внутри страны, сперва с анархизмом, потом с левым народничеством и социализмом вообще. Правда, в июне месяце 1918 года, когда я, пользуясь своим положением по документам (я был главным руководителем Комитета Защиты революции в известном районе на Украине) забрел в Кремль, где по настоянию Председателя Всероссийского Центр. Исполн. Комитета Советов Свердлова был сведен с Лениным, (на чем я останавливаюсь подробно во второй книге своих записок) и информировал его, Ленина, о неравной тяжелой борьбе революционных сил на Украине против нашествия немецко-австрийских контрреволюционных армий и таких же отрядов Украинской Центральной Рады, а также о неудачах этой борьбы и тяжелом отступлении революционных сил из Украины. Тогда Ленин, разговаривавший со мною и заметив, очевидно, во мне мой крестьянско-анархический фанатизм в отношении Революции и наших анархических идей в ней, заверял меня, что, де, советская власть начала борьбу в центрах революции не с самим анархизмом, а с поселившимся в его рядах бандитизмом. — «С такими анархистами — говорил мне Ленин — об организованности и революционных действиях которых вы мне повествуете сейчас, у меня лично и нашей большевистской партии найдется всегда общий язык для восстановления единого революционного фронта... Другое дело социал-предатели — они враги подлинного освобождения пролетариата и беднейшего крестьянства и мое отношение к ним непримиримо. Я им враг...

Большой неискренности и лицемерия, какие в данном случае проявил Ленин, особенно в отношении анархизма, трудно найти у кого либо другого из политических дел мастеров. Большевистская власть организовала уже в это время свои походы против анархизма с строго продуманным замыслом дискредитации анархического движения в стране, где большевизм Ленина поставил крест над всякой свободой революционных организаций и где только анархизм был и оставался опасным для большевизма; ибо только анархизм если бы только он научился организованно, с строжайшей последова-

тельностью в действиях входить в широкие рабочие и крестьянские массы и политически и стратегически направлять их к победам, может поднять на восстание в стране все здоровое, беззаветно преданное Революции, чтобы на этом пути бороться и утверждать практически в жизнь идеи свободы, равенства и вольного труда.

Да и в отношении социалистов у Ленина звучал иногда улично-захватский тон...

Поход большевистской власти против анархизма и социализма оказал тогда большую услугу внешним контр-революционным вооруженным силам вступить безболезненно на революционную территорию Украины и сравнительно быстро и легко вытеснить из нее революционно-боевые силы широких трудовых масс под руководством анархистов, левых социалистов-революционеров и самих же большевиков (поскольку эти последние имели под своим идейным влиянием вооруженные силы украинских труженников в этот трагический для Революции период.

Благодаря этой черной измене большевистских вождей революции, контр-революция сравнительно быстро парализовала все революционные связи на Украине села с селом, города с городом и занялась безбоязненно своей гнусной кровавой расправой над широкими революционно-настроенными трудовыми массами украинского села и города и революция на Украине предстала совершенно неожиданно перед эшафотом своих палачей и в первой стадии своего развития была казнена...

Это были тяжелые, полные кровавых ужасов дни. Вожди большевизма по договору с немецким и австро-венгерским царями оттягивали из Украины свои из русских труженников скомплектованные вооруженные силы, а украинские труженники, плохо вооруженные и наспех скомплектованные в боевые отряды, принуждены были отступить вслед за своими русскими братьями, расплачиваясь своими жизнями за измену вождей с одной стороны перед наседавшими сзади хорошо вооруженными и дисциплинированными врагами революции — в лице немецко-австро-венгерских экспедиционных армий, а с другой — перед большевистской властью, не желавшей пропустить их вооруженными на территорию России и с боями разоружавшей их. Вот в эти, казалось, ничего уже хорошего не предвещавшие дни — крестьяне-революционеры Гуляй-Польского района, объединенные вокруг Гуляй-Польской группы анархистов-коммунистов, многочисленными мелкими группами и от-

рядами оставили свой район и отступали также в направлении России, где — как всем почему то казалось, — революция идет своим руслом и в нем, в этом русле, эти революционные группы и отряды обретут свои силы и снова станут лицом к лицу с врагами, чтоб преодолеть их физическую и духовную силу во имя нового свободного общества... К сожалению у большевистских вождей уже в этот период Революции замечался перелом в сторону охаивания всего здорового и революционно-выдержанного в трудовых массах в угоду своим партийных привилегий в стране и за ними скрывавшейся явной контр - революции. На подходах к г. Таганрогу большевистская власть уже устраивала засады на независимые революционные боевые группы и отряды и предательски их разоружала. Это обстоятельство побудило силы гордого революционного Гуляй - Польского района распылиться на еще более мелкие группы и частью возвратиться нелегальными путями в свой район, частью же, и тоже нелегально, пробраться в Таганрог с целью собраться в нем и обсудить, что дальше делать...

В г. Таганроге группа съехавшихся товарищей сразу же поручила мне и Веретельнику организовать конференцию. Таковая состоялась. Решения ее были кратки, но положительными в том смысле, что дальше Таганрога ни один член группы не двинется. Все, за исключением меня, Веретельника и еще троих товарищей, возвращаются на фронт и постепенно с особой осторожностью во имя намеченного конференцией дела пробираться в свой район для нелегальной работы среди крестьянства. Мы же пятеро человек получили от конференции назначение побывать в течении полутора - двух месяцев в Москве, Петрограде и Кронштадте, ознакомиться с ходом революционных дел в этих центрах Революции и к первым числам июля месяца возвратиться на Украину, в местности, где группа решила снова возродить идею организации вольных батальонов защиты Революции с строго взвешенным замыслом не только бороться, но и побеждать.

На похождениях по России в течении этих двух месяцев я подробно останавлиюсь во второй книге своих записок — «Под ударами контр - революции». Здесь же скажу, что из нас пяти я один лишь возвратился во время на Украину, на которой безответственно царил политический и экономический произвол немецко - австрийско - венгерского контр - революционного юнкерства и его ставленника — пресловутого гетмана «всея Украины» — Павла Скоропадского. На Украине я теперь уже мало встретил своих старых друзей, преданных крестьян революционеров. Многие из них попали в лапы контр - революции и одни были убиты, другие посажены в тюрьму и ожидали той же участи. Но живя эти дни глубокой верой в то, что намеченное дело на Таганрогской конференции нужно начинать, я всем своим существом отдался тому, чтобы непосредственно связаться с крестьянами, выбрать из их среды людей, готовых на самопожертвование.

На этом пути в поисках новых и стойких революционных бойцов я встретил ряд преданнейших проповедываемым мною идеям крестьян и крестьянок. Через

них я скоро разыскал своих старых друзей, спасшихся от арестов и расстрелов немецко - австрийских и гайдамацких палачей и революционно, не смотря ни на какие невзгоды, уцелевших, т. е. не примирившихся с гетманским строем, думавших и готовившихся к серьезной борьбе с ним. И мы, не ожидая, когда съедутся рассеявшиеся после отступления где то по России остальные наши товарищи в район, не взирая на все те тяжелые затруднения для нашего пребывания в селах, которые переплетались с частыми арестами и расстрелами наших близких из наших активных рядов, взялись за живое дело и как то скоро — в сравнении со всеми затруднениями — мы поставили снова на ноги дело нашей организации по подготовке революционного восстания широких трудовых крестьянских масс против Гетмана, его феодально - помещичьего строя и их защиты в лице немецко - австро - венгерских царских армий. Тогда мы говорили массам: «Крестьяне, рабочие и ты, трудовая интеллигенция! За возрождение и развитие Революции, как наиболее верного средства борьбы с капиталом и властью государства; за создание и закрепление в вашей жизни свободного общества труженников, как нашей общей ближайшей цели, вы должны организовать, создать из своих рядов грозные революционно - боевые партизанского рода вольные батальоны и отряды и восстать, пойти штурмом против Гетмана и немецкого и австро - венгерского царей, призвавших на наши земли свои дикие контр - революционные армии, и победить этих палачей Революции и Свободы!...»

И широкие трудовые массы прислушивались к нашему голосу. Из далеких сел и деревень, от Гуляй - Поля они присылали к нам своих делегатов, стараясь разыскать группу анархистов и взять — кого она из своих членов может откомандировать им, чтоб они могли его секретно перевезти в свой район для собеседований и содействуя им в делах подготовки масс к восстанию.

И мы переезжали тогда в одиночку, иногда группой в 3 - 5 человек и вели на нужные темы в строго законспирированных местах беседы с крестьянами в этих селах и районах. А через месяц - два этой тяжелой, но упорной нашей пропагандистской и организационной работы по обширнейшим районам среди крестьян — наша Гуляй - Польская крестьянская группа анархистов - коммунистов увидела, что за ней идут широкие массы труженников, среди которых было много вооруженных и готовых во всякое время на какое угодно самопожертвование во имя идеи восстания против гетманско - немецко - австрийского юнкерства, политического и экономического произвола.

Помню, как делегаты от этих, нами уже организованных крестьянских революционных сил около недели ездили по району из деревни в деревню, чтобы настичь меня, независимого буржуазии и немецко - австрийскому командованиям. Я так же, как и они, передвигался со своими двумя - тремя товарищами из деревни в деревню с целью агитационно - организационной. Помню, как они, эти делегаты, настигнув нас в одной из деревень просили меня от имени пославших их ко мне на совеща-

ние не откладывать нашего общего вооруженного выступления против врагов революции до удобного момента начинать его теперь же. Делегаты тогда мне говорили: «...Вы, Нестор Иванович, возвращайтесь в Гуляй - Поле и подымите Гуляй - Польшу. Если Гуляй - Поле восстанет, за ним последуют все другие волости и районы. Вы с группой своих товарищей агитаторов своей упрямой работой еще до гетманщины и немцев и австрийцев подымайте Гуляй - Поле перед трудящимися других волостей и других районов на необыкновенную высоту революционной стойкости и преданности делу трудящихся. Общий ваш зов к другим волостям из рядов восставшего Гуляй - Поля сделает больше для дела восстания, к которому мы все готовимся, чем все эти недели, что вы раз'езжаете по деревням с большим риском для жизни и ведете и подготавливаете это дело непосредственно с помощью устной агитации...»

Я лично этим доверием и уважением ко мно и нашей группе широких масс и их делегаций не увлекался. Я был чужд подделного революционного духа и я старался, чтобы им не заражались ни мои друзья, ни широкие массы, среди которых мы работали, с которыми нашли общий язык, объединивший нас на пути дела возрождения, расширения и углубления казенной палачами Революции, чтобы через нее обрести право, средства и твердость убеждений, для построения нового свободного общества трудящихся.

Моя поездка по России, через ее революционные центры и мои наблюдения за всем и вся, с чем встречался, кое чему меня научили. Поэтому я и все мои друзья по группе, кто взялся за дело организации крестьянского восстания против врагов Революции, были слишком осторожны, т. е. мы не могли ни перед каким уважением таять, настолько, чтобы забывать, кто мы и какая перед нами стоит задача в связи с этим нашим самосознанием. На все наставания перед нами, как инициативным и руководящим ядром восстания, я все время отвечал крестьянам: — «А все ли ваши силы достаточно прочно связались с нашей группой? Усвоили ли они и хорошо ли усвоили себе то, что начало восстания наших сил практически должно выразиться повсеместным, т. е. в одно и то же время, хотя в известном ряде волостей?»

Если всеми это хорошо понятно и усвоено — то нам не мешает лишний раз подумать и о том, с чем, наиболее, плодотворного, мы должны начинать открытую вооруженную борьбу. Подумать лишний раз тем более важно, необходимо, ибо технически мы далеко не равны с врагами. Наши первые успехи по вооруженным силам врагов наших должны нести нам и винтовок и орудий и к тем и другим лишний — десяток — два патронов и снарядов. Такая атака при первой нашей атаке врага даст двойное удовольствие и нам и широким трудовым массам. И мы и широкие массы сразу же станем более решительны, как в идейно — политическом, так и в организационно — боевом отношении. После первого нашего успеха в дни об-

щего нашего выступления все наши партизанские отряды обрушатся на врага со всех сторон. Этим самым мы поставим в неожиданное замешательство и гетманское правительство и немецко — австрийские военные штабы, по крайней мере в нашем Приазовско — Днепровском и Донецком Крае. В лето выяснится характер событий и мы все силы свои направим тогда на то, чтобы отдать себя полностью служению этим событиям...

Так подходили мы, крестьяне — анархисты к трудовым широким массам в столь трудный момент для революции и идей нашего движения в ней в те на 10 лет оставшиеся позади мрачные политические времена. Спрашивается, — почему мы проявляли такую чрезмерную осторожность в своем влиянии на широкие массы, когда последние чуть не первые подавали свой голос за восстание против угнетателей? — Почему мы, будучи по духу бунтарями, просто не воспользовались случаем и не пошли во главе масс, увлекаясь одной лишь стихией той подлинной революционной бури, которая назревала в украинской деревне и которую во всей ее положительности и красоте, неподдающихся политическим уродствам, может творить только анархическая деревня?... Кажется странным, а между тем это диктовалось многими условиями момента, условиями, которых многие, о как многие и в наших рядах особенно, никогда не признавали. Это был момент для революционно действовавшего авангарда по подготовке вооруженного восстания крестьян, чрезвычайно тяжелый своими требованиями. Этим авангардом была наша Гуляй - Польская крестьянская группа анархистов — коммунистов. Перед ней развертывавшиеся события ставили вопрос: возьмет ли она в свои руки полностью руководство широкими трудовыми массами в надвигающихся бурных событиях, или же она уступит все ею подготовленные массы в открытой вооруженной борьбе какой либо из политических других партий, имеющей свою программу и надеющейся на прямую поддержку со стороны большевистского «революционного» правительства со стороны Москвы.

Вопрос этот делал трудным положение нашей группы еще и тем в этот период ее деятельности, что она часто прислушивалась к абстрактным положениям анархизма, согласно которым анархист отрицает организацию дисциплинированных сил революции и часто оказывается в моменты революции одиноким маниаком, словно самой жизнью отвергнутым от своей плодотворной творческой роли среди широких трудовых масс. При всей нашей революционной страсти использовать все средства для победы над контр — революцией, какими располагали массы и какими нас наделил революционный опыт, мы все же были анархистами, и хотя сознавали, что дезорганизационные начала в жизни нашего движения принесли анархизму непоправимый вред, что анархизму уже трудно выравнивать свои силы настолько, чтобы успеть поравняться своими силами с зарывавшимися на пути революции большевизмом и левым народничеством; что дезорганизаторский навык все анархисты так хорошо усвоили, как ни одного из положений в области положительной деятельности анархизма и что, следовательно, покуда анархи-

сты будут дорожить этим своим навыком наше движение массами полностью не будет понятно и целиком подерживаемо из-за боязни не делать ничего, что связано со смертью в слепую. Но повторяю, мы анархистами были и мы жили анархическими чаяниями. Готовясь сами, подготавливая широкие трудовые массы к открытому восстанию против тех, кто казнил революцию, кем со всех сторон были окружены, как пленники беспомощные, мы теперь были уже свободными от самого главного, — от того, чтобы думать, что на нас со стороны наши же идейные товарищи набросятся, скажут: это не по анархически растворяться среди масс и руководить их боевым авангардом. От этой пустой, часто для анархизма вредной болтовни мы были в это время уже свободны и думали мы лишь об одном — о борьбе и победе!

Но борьба и победа, по нашему, требуют от революционного анархизма, сознательно находящего свое должное место и активную роль в современных революциях, громадных организационного характера напряжений и в области оформления его партийных рядов и в области выявления его прямых положительных задач особенно в первый и второй дни революции, к которым широкие трудовые массы подходят обыкновенно охульно и как бы с неполной уверенностью в то что они в них найдут простор для полного выражения своих подлинных требований. Таким образом сознавая, что ряды анархизма раздроблены, движение находится чуть не в полулегальном положении, по городам в особенности, где власть большевистской партии все делала для того, чтобы или сделать из него «большевистско - анархическое движение» и подчинить своим интересам или же совсем загнать в подполье, недопустить до того, чтобы оно оформило свои ряды и заняло организационно надлежащие ему боевые позиции в авангарде большевистской властью уже удушаемой Революции. Мы — крестьяне - анархисты действовали в деревне и в этой области, чтобы возвысить голос нашего анархического движения из деревни и этим самым привлечь в деревню все лучшее и здоровое из городов; так как в это время на Украине деревня подымалась первой против гетманского строя и ревностно охранявших его немецко - австрийских контр - революционных армий.

В этом духе, под черными анархическими знаменами нашей группой воспитывалось трудовое крестьянство. Ни на шаг не отступая от анархических положений, группа намечала идейно - политическую и военно - революционную программу повстанческого движения, определившегося сразу под именем «повстанческих войск Батьки Махно».

Влияние группы и в частности мое личное было так велико и плодотворно в широких крестьянских восставших под знаменами анархизма массах, что сбить их с этого пути не могли никакие силы враждебных анархизму политических и социалистических партий. Массы не прислушивались к их голосу, не останавливались перед речами их охраторов. Слово Гуляй - Польской крестьянской группы анархистов - коммунистов и слово Махно о свободе и независимости трудящихся от власти

капитала и его слуги — государства, о том, что государство, как организация буржуазно - капиталистического общества, вредна, должна быть заменена организацией свободной общественности трудящихся и т. д. и т. д., воспринимались массами за основы их жизни и борьбы.

Во имя этих основ нового общества тружеников крестьянские массы доселе порабощенной деревни создали могучую военно - революционную силу и передав эту силу под непосредственное руководство организованному группой штабу движения, всегда тесно держались этой силы, т. е. никогда не порывали с нею своей духовной и хозяйственной связи — всегда пополняли ее свежими силами в самые трудные моменты для себя и этой передовой своей силы, снабжал, ее продовольствием.

Таким образом, Гуляй - Польский район скоро преградился в особого рода страну, чуждую государственнических тенденций в своем внутреннем самоуправлении; страну, население которой со всех сторон атаковывала немецко - австрийские дикие полчища, которые до этого времени не знали никаких границ в своем произволе над населением, и разоружало их и их вооружением тут же снабжало свои отряды.

Немецко - австрийские войска скоро начали покидать этот район. Гетманские власти были частью перевешаны, частью разбежались. Гордый революционный район был замечен большевистским правительством из Москвы. На ряду с этим были замечены и анархисты за революционным делом. Имя Махно все центральные большевистские газеты не снимали со своих первых страниц. С каждым днем большевики писали что либо новое об успехах революционной борьбы повстанчества под руководством анархиста Махно...

Но движение революционного повстанчества шло своими анархическими путями. Оно, растрепав хорошо войска немцев и австрийцев, разогнав гетманцев в целом ряде уездов и губерний Украины, своевременно заметило народившуюся и снестно организовавшуюся денкинищину и оно под руководством преданнейших сынов революции — крестьян - анархистов направило все свои силы, всю их энергию против денкинищины, а в скором времени и против Украинской Дериктории, наиболее известной (после своей реорганизации) под именем «атамании», пресловутой «петлюровщины».

Против денкинищины и Украинской Дериктории движение махновщины заняло, — как и против немецко - австрийских армий — обширнейший фронт и также героически производило на нем революционно-боевые операции в интересах Революции и выдвигаемых ею начал нового свободного общества тружеников.

Так в действительности было организовано крестьянами - анархистами и начало свои исторические действия революционно - повстанческое движение украинских трудовых масс — движение махновщины.

Из этого обзора правда, далеко не полного но глубоко верного, я думаю станет понятным для всех, прочитавших его, что все небылицы врагов и даже некоторых друзей Махновщины о том, что это низовое массовое движение тружеников своей идеологии почти что не имело, что идейно - политическая пища, как и вообще

политическо - стратегические подсказывание то в том то в другом политическом деле приносились ему извне — глубоко не верны.

Для прямых руководителей движения также, как и для широких трудовых крестьянских масс, поддерживавших его, хорошо известно, что движение махновщины было организовано Гуляй - Пльск группой анархистов-коммунистов и носило оно в себе анархические силы от начала и до конца, при том силы, неиспорченные ни словесным революционным профессионализмом, ни городской хаотичностью и безответственной отсебятиной. Все организаторы и вдохновители движения — как то: братья Каретники, Алексей Марченко, братья Семеновы, Лютий, Зуйченко, братья Домашенко, Коростелев, Троян, Данилов, Тыхенко, Моценко, А. Чубенко, братья Махно и многие другие — все они были анархистами. Многие из них самостоятельно работали среди крестьян от 1906-7 г.г. и из них многие являются прямыми пионерами движения махновщины... Этими и многими уже в движении выросшими своими внутренними силами движение махновщины питалось и в идейно - политическом и в военно - стратегическом отношении. Всякая помощь со стороны от родственных ему анархических организаций была лишь желательной, но ее, к сожалению, в прямом и организованном смысле никогда не было. В течении 8-9 месяцев после открытого вооруженного действия против врагов революции и анархизма, движение махновщины не видело в своих рядах почти что ни одного из прежних со стороны своих друзей. По истечении 8-9 месяцев в ряды движения приехал ряд товарищей в индивидуальном порядке, — некоторых движение освободило из цепких вражеских лап на своих путях действия, — Ивано - Вознесенская группа анархо - коммунистов во главе т. т. Макеева и А. Чернякова, прибыла в организованном порядке. Эти товарищи оказывали ему нужную, посильную помощь, но, к сожалению, временно.

И в общем, все годы неравной, тяжелой и исторически и морально ответственной борьбы, движение махновщины питалось своими внутренними идейно - политическими и тем более военно - стратегическими силами. И это по моему глубокому убеждению и является главной причиной того, что движение махновщины от начала и до конца, долгие годы было стойким борцом на революционном посту, — долгие годы, не смотря на вечное окружение врагами и беспрерывные бои с ними, не шло никогда и ни на какие соблазны других, анархизму и социальной революции чуждых социально - политических группировок.

Оставаясь верным своим анархическим идеям в требованиях от государства и его властей не мешать труженикам села и города самоорганизоваться и стать прямыми выразителями своей подлинной революционной воли на путях революции, в преодолении устоев старого и построении и защите нового свободного общества, движение махновщины естественно не могло надеяться на помощь на этом пути в этих его требованиях со стороны государственных социально - политических группировок. Оно вправе было ожидать себе прямой органи-

зованной помощи от родственных ему анархических организаций из городов. Но такой, к сожалению, не было. Деорганизаторский навык у большинства анархистов в это время был так силен, что он заслонил перед ними то, что делается в деревнях. Они не смогли ни заметить, ни почувствовать своевременно анархического настроения революционной деревни и поспешить ей на помощь организацией городских труженников и прямым воздействием на ход ненормально складывавшихся революционных событий по городам. Не видя этой помощи от тех, от кого она должна была бы быть и именно в духе организованного прямого воздействия на ход событий там, где события эти уродуются укрепившимися властелинами под всевозможными предложениями, — движение махновщины естественно не могло восхищаться прочностью положения родственных ему организаций по городам.

Именно отсюда рождалась в движении махновщины вера в правильность позиции своих внутренних сил в делах революции. И движение ценно держалось этих своих внутренних сил и того, что им было признано за цель и написано на своих черных знаменах, в начале своей организации, что всколыхнуло, подняло широкие массы труженников и увлекло их на борьбу против всякого сорта угнетателей и, наконец, от чего движение махновщины все годы своей борьбы не отступало, за что мужественно боролось часто с неравными, во много раз превосходящими силами врагов своих и революции и анархических идей в ней.

На этом тяжелом и ответственном революционном посту движение махновщины совершило одну тяжелую ошибку: в союзе с большевизмом против общего врага — *врагелщины и антанты*. В период этого морально и практически для революции ценного союза, движение махновщины ошиблось в большевистском революционизме — и во время не оградило себя от измены. Большевики со своими спецками предательски обошли его и хотя с трудом, но на время разбили.

Нестор Махно

ДВА КОНГРЕССА

(Окончание*)

V

Слова и дела. По ним нужно судить большевиков, как и соц. демократов. И по ним также мы увидим, что и у большевиков от слова до дела дистанция обширного размера.

Большевики любят самокритику. Они любят покаяться перед рабочим классом в измене. Они иногда очень откровенно говорят о своих ошибках. Как горестный Мармеладов, выходят они на площадь, кланяются на все четыре стороны рабочему люду, взывая: «простите, товарищи». Другое дело, — может и должен ли рабочий класс кровью и страданиями искупать вины большевистского начальства.

Вся программа большевиков построена на той «ис-

*) См. №№ 39-40, 41-42 Д. Т.

тине», что большевики готовят социальную революцию, которую под их руководством выполнит пролетариат. Они — «штаб», «авангард» революции; они будут вести руководство грядущими социальными революциями, они опытной рукой будут направлять революционный корабль через скалы и мели к конечной цели — коммунизму. Это звучит гордо. Но посмотрим, как на практике выглядит большевистское руководство. Лишь недавно в могучем революционном порыве поднялся Китай, рабочий и крестьянский многомиллионный Китай. Влияние большевиков было в этом восстании по многим причинам огромное, тем, конечно, больше их ответственность за его исход. Как же вело себя большевистское руководство? Вот что задним числом об этом повествуют сами большевики. «Массы шли вперед» — говорит в своем докладе Коминтерну Страхов: «а руководство отставало и хотело *тянуть массы назад*» (курсив «Правды»). Страхов продолжает: «Ван-Тин-вей (лидер мелкой буржуазии) приезжал к нам на заседание и упрекал нас в том, что мы продолжаем забастовку, хотя от нее страдают мелкие торговцы, что мы конфискуем заводы и ханьянские фабрики. Мы отвечали, что это не мы конфисковали, что это сами рабочие стихийно делали». Наконец, самое страшное признание большевиков об их «руководстве» кантонским восстанием: «перед штабом восстания постоянно толпились в течение двух дней 4-5 тысяч рабочих, которые требовали выдачи оружия. Им говорили: идите на массовые собрания, на массовые митинги *приветствовать новую власть*, но рабочие отвечали: «нет, дайте нам сначала винтовки». Винтовок большевики так и не выдали рабочим, а *новой власти* приветствовать рабочим не пришлось. Кантонское восстание было потоплено в крови.

VI

Теперь большевики сами критикуют свою политику того времени. Объясняют они ее неудачи тем, что они, мол, были в союзе с мелкой буржуазией и должны были считаться с ее требованиями. Это требования мелкой буржуазии сделали из них виновников поражения восстания, виновников гибели тысяч революционных рабочих и крестьян. На конгрессе Коминтерна Страхов признавал политику блока с мелкой буржуазией ошибкой и ее осудил. Если мы теперь обратимся к программе, выработанной на конгрессе, то мы увидим, что для стран «со средним уровнем развития капитализма» большевики признают необходимым «демократическую диктатуру пролетариата», т. е. союз с мелкой буржуазией. Гибельные последствия их союза с буржуазными элементами в китайском опыте, по видимому, не слишком огорчили «руководителей» всемирной социалистической революции. Стремясь к *власти* и только к *власти*, они готовы идти на союз с врагами рабочего класса, лишь бы добиться ее. Урок, полученный в Китае, им еще не уяснил, что мелкая буржуазия заклятый враг революции. Поскольку она получает кой-какие материальные подачки от крупного капитала, поскольку она боится потерять свое жалкое, но зато защищенное «правом собственности» добро в революционных бурях. Союз с нею большевиков будет неминуемо приво-

дить к поражению всех революционных экспериментов последних, к бесплодному пролитию пролетарской крови, к новым изменам «штаба» революции — рабочему делу.

VII

Для стран с развитым капитализмом намечается уже «социалистическая диктатура пролетариата», т. е. насильственный переворот, результатом которого будет разрушение буржуазного государственного аппарата и образование нового пролетарского государства, как переходной ступени к *безгосударственному* коммунизму.

Вопрос, который нам предстоит разрешить, состоит в том, насколько «диктатура пролетариата» действительно приближает общество к безгосударственному коммунизму, а не увлекает его совсем в другую сторону и не помогает реакции вновь захватить власть, выпавшую из ее рук во время революции. Теоретически, большевики стремятся к безгосударственному социализму, теоретически, их конечный лозунг и наш одинаков: «с каждого по его способностям, каждому по его потребностям. Разница лишь в том, что эту конечную цель они отодвигают в бесконечное будущее, мы же, анархисты, бьемся за эту цель теперь, непосредственно. Поэтому, тем более внимательно следует присмотреться к тому средству, которое предлагают большевики для достижения конечной цели и которое представляет целую переходную эпоху, — присмотреться к «диктатуре пролетариата».

Самое первое, что бросается в глаза, — это несоответствие между целью и средством. Как идти к *безгосударственному* социализму, создавая огромное могущественное государство, воспитывая и пропагандируя «культ» государственности? «Всемирный союз советских республик», как его пропагандируют большевики, будет составлять такой сильный *железный государственный организм*, что в исторической перспективе совершенно нельзя предсказать, когда он падет, какие силы заставят его самоуничтожиться. Государство связано с нацией, государственная организация защищает и защищает всегда какие-то «национальные» интересы, т. е. интересы своей «национальной» буржуазии, своих «национальных» эксплуататоров. Для рабочего движения по своей природе глубоко интернационального, совершенно не нужна государственная организация, ибо нет своих классовых эксплуататорских интересов, которые этой организацией пришлось бы защищать. Что касается защиты революции и необходимого координирования сил различных рабочих организаций, то, по нашему мнению, всего этого можно достигнуть и не прибегая к созданию такого опасного для революции организма, как «пролетарское» государство.

VIII

Опасность и вредность для революции образования государства тем убедительнее и легче доказать, что большевики ссылаются, как на пример хорошо функционирующей диктатуры пролетариата, на С. С. С. Р. По этому образцу и подобию Коминтерн собирается строить социализм во всем свете. Это дает нам возможность показать, на какой гнилой базе хотят строить социализм коммуни-

сты, больше того, какую силу дают они контр-революции созданием на месте распавшегося государственного аппарата новой государственной машины. Уже тем, что они создают бюрократический аппарат, они пробуждают к жизни врагов и могильщиков революции. Класс людей, все существование которого связано с функционированием государственного аппарата, владеющего фактически огромной властью и большими привилегиями — это ли не взращиваемая контр-революция? Не даром наш отечественный новоназначенный фашист Керенский, мечтая о роли Муссолини, гооврит, что «при решении вопроса о власти сбросить со счетов советский аппарат и даже кое-какие части компартии — невозможно». Да, больно сильно этот рыцарь печального образа, и не он один, надеется на «сильный — количественно и функционально-служильный класс (бюрократия)».

Таким образом, «пролетарское» государство создает тот слой, который впоследствии за лучшую похлебку изменит пролетариям и очистит дорожку для маленьких и больших Муссолини. Но разве только это является следствием «диктатуры пролетариата»? Богатая действительность России, поскольку Коминтерн ставит себе ее прообразом, идеалом диктатуры пролетариата, дает достаточно материала для критики этого пути к социализму. Фабрики и заводы в руках «красных директоров», нарождающейся новой буржуазии. Рабочий класс, лишенный элементарных свобод, в клещах казенных профсоюзов безоруженно преданный новым «хозяевам» фабрик. Такова истинная картина «диктатуры» в СССР. Таков тот идеал, которым руководится Коминтерн. Это ли путь к *безвластному коммунизму*?

IX

Для анархистов ясно, что ни социал-демократия, ни большевики не являются истинными выразителями чаяний народных низов, истинными проводниками к тому царству социализма, к которому испокон веков тянется трудящийся и угнетаемый кучкой властников и эксплуататоров рабочий люд. Ни социал-демократы, составляющие часть буржуазии, и работающие в ее интересах, ни большевики с их диктатурой над рабочим классом — не приведут трудящихся к безгосударственному коммунизму. Только революционное действие самих этих поработанных масс может разбить оковы капиталистического и государственного рабства. Рабочим анархистам следует быть в первых рядах борющегося пролетариата. Партия анархистов-коммунистов единственная, которая сама не стремится к власти, не стремится воспользоваться революционной борьбой в каких либо партийных интересах. Цель ее помогать по мере сил самим рабочим бороться за истинное освобождение и противостоять буржуазным влияниям государственных социалистов. Этим последним, оспаривающим друг у друга право управлять и руководить трудовыми массами, последние должны будут сказать: «Господа егеря, перестаньте ссориться». Последнее слово в революционной борьбе не за вами. Ни сотрудничество с буржуазией, ни диктатура над нами — не ведут к нашему идеалу».

Я. Линский.

ПОЛЗАЮЩИЕ НА БРЮХЕ

В лице разного рода «бывших» большевистская власть обзавелась незаменимыми в некотором отношении слугами своего режима. В услужении у нее находятся бывшие меньшевики, эсеры, максималисты и, наконец, бывшие анархисты. Помимо разных прочих заданий, всем этим бывшим вначале неизменно дается одно и то же задание, — идейно унизить и оклеветать то движение, в котором они доколе находились. Эту обязанность выполняли почти все бывшие анархисты, начиная от Лиса и Аникста и кончая Ярчуком. Особенно в этом отношении проявила себя в 1923 г. группа ренегатов анархистов во главе с Гейцманом, выпустившая известную коллективную декларацию. В декларации этой, авторы ее, совершив обряд коленопреклонения перед диктатурой ее величества российской социалистической интеллигенции, пытались унизить и извратить самую идеологию анархизма, представив ее, как идеологию мелкой буржуазии. (В свое время на эту попытку ренегатов нами был дан должный ответ: см. Анархич. Вест. № 5-6).

Вообще, государство большевиков показало, что оно может пользоваться всеми средствами в борьбе со своим идейным противником из революционного лагеря: оно душит их физически, разлагает морально, прибегая в последнем случае к неоценимой помощи ренегатов этого лагеря.

Анархическое движение в России разгромлено с 1920 г. Отдельные сохранившиеся борцы этого движения либо доживают свои последние немногие годы в тюрьмах и ссылке, либо живут под большевистской пятой без проявления каких бы то ни было признаков общественной деятельности. Режим диктатуры в этом отношении добился своего. Он установил в левом, бунтарском крыле рабочего класса тишь, гладь, да большевистскую благодать. Казалось бы, — чего больше желать? А вот большевикам этого мало. Они хотели бы в корне ликвидировать анархизм на вечные времена, при том от имени и по постановлению самих анархистов. Для них это так заманчиво. Ведь в этом случае они еще громче, еще развязнее будут трубить на всех перекрестках, что они являются самой левой, самой революционной партией в стране. В этом случае они почувствуют себя еще более свободными от возможной критики слева и еще бесцеремоннее станут подменять революционные устремления масс бюрократическим творчеством своего госаппарата.

И вот на встречу этим затаенным желаниям большевиков бегут «бывшие» из анархистов. Про этих «бывших» тоже можно было бы сказать: послужили они своему начальству и за совесть и за страх; продолжают в таком же духе изо дня в день служить и дальше. Казалось бы, жарче усердствовать им нет надобности. Но нет. Они стремятся усилить и «углубить» свое усердие.

В Москве «бывшими» образовано «Инициативное Бюро» по созыву Всесоюзного съезда, который бывшие решили проводить под анархическим флагом. Задачей

с'езда Бюро наметило: а) заявить о полном идейном и практическом банкротстве анархизма»; б) вынести от имени анархистов постановление о самоликвидации анархического движения в России и о необходимости вступления всех работников русского анархизма в ряды ВКП. Наряду с анархистами (Аблонский — ан. сян., Башев — ан. ком.) в Бюро входят «бывшие» из максималистов (Камышев, Дерешев) и лев. с.-ры (Маслов). И это не совсем ясно. Надо думать, что на организуемом с'езде заявления о самоликвидации будут также сделаны от имени левых с.-ров и максималистов.

Усерднее других на поприще этого дела подвизается Ефим Ярчук, недавно еще бывший в рядах анархистов, избличавший большевиков в контр-революции, а теперь замаливающий перед ними свои грехи охаиванием движения, которому служил большую часть своей жизни.

Технически Ярчук и Ко должны подготовить импозантный, внушительный с'езд, который произвел бы впечатление численностью. Для этой цели предполагаемых участников с'езда вербуют из тех же бывших, уже много раз отрекавшихся от анархизма, а так же из разного случайного элемента. Соответствующая агитация, несомненно, ведется и среди устойчивых анархистов.

В качестве доказательства разложения анархизма Ярчук стремится использовать опыт своего недавнего пребывания в Германии и Франции, а также такие отрицательные явления, не имеющие ничего общего с анархизмом, как анархо-патриотизм и анархо-мистицизм, отпрыском которого в Америке является «рассветовщина», т. е. те явления, с которыми анархисты давно ведут решительную борьбу.

К затее г. г. Ярчуков мы еще вернемся, когда эта затея будет проводиться в жизнь. Но уже сейчас можно сказать, что по существу она представляет собою ползание на брюхе лиц, добывающих для себя тех или иных знаков отличия. Ибо если искренно беспокоиться по поводу разложений в революционной среде, то, конечно, в первую очередь придется обратить все свое внимание и усилия на разложения, процветающие в ВКП: там, они по истине достигли размеров Гималаев. Но конечно, для избличения этих разложений мужества и совести бывших людей недостаточно. Этой совести и мужества у них хватает как раз только на то, чтобы лгать и провоцировать движение, казенное властью, связанное по рукам и ногам, и не имеющее возможности открыть рта в свою защиту.

П. А.

ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ АНАРХИЗМА

(Окончание)

III

Принцип интеграции труда неразрывно связан с другим столь же существенным для анархического мирозерцания принципом — с принципом децентрализации промышленности. Здесь мы снова сталкиваемся с таким же научным предрассудком, как и в вопросе разделения труда: и буржуазная и марксистская политическая экономия учит, что основным законом экономического развития является вытеснение мелких предприятий крупными. С этой точки зрения мелкая промышленность должна вытесниться средней, а средняя — крупной. Марксисты полагают, что такой же процесс происходит не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве: мелкое крестьянское хозяйство вытесняется крупным капиталистическим и прежние крестьяне постепенно превращаются в с.-х. батраков.

Кропоткин утверждает, что это неверно. «Простое изучение налогов легко объяснило бы добрую половину того, что... приписывают предполагаемой фатальности экономических законов» 17), «Достаточно, например, увеличить на несколько копеек налоги, платимые крестьянином за каждую лошадь, телегу, корову и т. д., чтобы сразу разорить десятки тысяч земледельческих хозяйств 18). Налоговой политикой поддерживается крупное землевладение, как, равным образом, налоговой же политикой государства создается пролетаризация крестьянства. Известно, например, что в дореволюционной России крестьянин с каждой десятины земли платил в несколько раз больший налог, чем помещик. Если бы во всех странах государство

не поддерживало бы крупного землевладения в ущерб крестьянскому землевладению, то последнее давно вытеснило бы крупное землевладение.

Во всех странах крупное землевладение возникло путем захвата земли господствующими классами еще в далеком прошлом. В законодательстве разных стран и в настоящее время существует ряд ограничений, препятствующих продаже крупных владений (майорат и др.), продажа земли облагается тяжелыми пошлинами в пользу государства и дается ряд льгот крупным владельцам по обложению налогами. Тем не менее, крестьянское землевладение растет за счет помещичьего. Вот, например, данные германской статистики о состоянии сельского хозяйства 19).

площадь занятая хозяйствами:

размер хозяйства	1882 год	1895 год	1907 год
до 2 гектаров	1826 т. гект.	1808 т. гект.	1731 т. гект.
от 2 до 5 „	3190 „ „	3286 „ „	3305 „ „
от 5 до 20 „	9158 „ „	9722 „ „	10422 „ „
от 20 до 100 „	9908 „ „	9870 „ „	9322 „ „
свыше 100 „	7786 „ „	7832 „ „	7055 „ „

Таблица показывает, что сокращается немного количество самых мелких хозяйств (меньше 2-х гект.) и значительно-крупных хозяйств, имеющих свыше 20 гектаров, но растет типично трудовое крестьянское хозяйство, имеющее от 2-х до 20 гектаров земли. По данным, собранным т. Хархардиным, развитие сельского хозяйства и в XX веке идет таким же образом (число хозяйств в %, по величине площади 20).

Страны	годы	до 5 гект.	от 5 до 10 гект.	от 10 до 20 гект.	от 20 до 100 гект.	свыше 100 г. гект.
Германия	1907	74,5	12,4	7,7	5,0	0,4
	1917	76,9	11,7	7,1	3,9	0,4
Голландия	1904	50,8	19,1	16,2	13,8	0,1
	1921	50,8	22,1	15,6	11,4	0,1
Норвегия	1907	79,8	11,2	6,3	2,7	—
	1917	86,1	8,0	4,3	1,6	—
			от 5 до 12,5 г.	от 12,5 до 25 г.	от 25 до 125 г.	более 125 г.
Соед. Штаты	1910	13,2	22,2	22,6	39,2	2,8
	1925	15,2	22,7	22,3	36,5	3,3

Следовательно, и в последние десятилетия, несмотря на неблагоприятные условия, крестьянское землевладение продолжает расти. Отсюда необходимо сделать два вывода: во-первых, крестьянство вовсе не является пережитком прошлого, но продолжает расти численно и представляет собою и будет представлять во всех странах большую общественную силу, во-вторых в сельском хозяйстве мелкое предприятие выгоднее крупного и поэтому «усилия революции должны быть направлены не к уничтожению мелкого сельского хозяйства, а к объединению мелких хозяйств во всем том, что требует объединения их усилий» (21).

Благодаря развитию кооперативного движения, крестьянское хозяйство даже в капиталистическом обществе ни в чем не уступает капиталистическому: кооперативная закупка сырья и кооперативный сбыт устраняют экономические преимущества капиталистических хозяйств перед крестьянскими, а машинные товарищества, контрольные товарищества, товарищества по переработке продуктов, а так же общественная агрономия — дают мелкому крестьянскому хозяйству те технические преимущества, которые крупное капиталистическое хозяйство имеет перед некооперативным крестьянским хозяйством.

Поэтому, мы целиком присоединяемся к Кропоткину; когда он говорит: «Для организации социалистического, — вернее коммунистического — общества, среди крестьянства... крестьянское кооперативное движение... представит живучее, творческое ядро коммунистической жизни... И толчок в этом направлении придет, может быть из России и, отчасти, из Соединенных Штатов» (22).

И прямым завещанием, оставленным Кропоткиным своим последователям, являются следующие слова, из того же письма: «Для того, чтобы вернуть живую силу в общину и деревню (прежде всего — социализацию и кооперацию), — оформить, развить, обобщить их, помочь им обрести из орудия самозащиты в могучее орудие коммунистического преобразования общества... для этого нужны силы, более молодые, чем мои и, особенно, — сотрудничество из бедн. рабочих и крестьянских. Такие силы ищутся. Они уже есть и в том и в другом движении, хотя еще не сознают предстоящей им будущности; не разобрались в ней: не понимают коммунистическим путем» (23).

Такое завещание Кропоткина своим последователям. И нам, при выработке программы а.-к., надлежит необходимо приложить старания к коллективной про-

ботке основ экономического учения анархизма, правильной отныне роли крестьянства и крестьянского хозяйства, правильной оценке кооперации и проработке программы а.-к. именно в том направлении, которое наметил в самых общих чертах Кропоткин в последние годы своей жизни.

Перейдем теперь ко второму вопросу, по которому мы также расходимся с марксистами, как и по вопросу о крестьянстве. Вторым предразсудком является учение буржуазных и марксистских экономистов о концентрации капиталов в промышленности, т. е. о гибели мелких предприятий и замене их крупными.

По данным германской статистики тенденции промышленного развития были таковы (24):

Число рабочих в мелких предприятиях (не более 5 рабочих в каждом)	1882 г.	1895 г.	1907 г.
Число рабочих в средних предприятиях (от 6 до 50 рабочих в каждом)	4336 т. ч.	4771 т. ч.	5383 т. ч.
Число рабочих в крупных предприятиях (свыше 50 рабочих в каждом)	1392 „ „	2454 „ „	3689 „ „
	1613 „ „	3044 „ „	5364 „ „

Таким образом, беспристрастная статистика блестяще опровергает теорию гибели мелкой промышленности и замены ее крупной. Мелкая промышленность не только не гибнет, но, наоборот, — она растет, только рост ее идет медленнее, чем рост средней и, в особенности, крупной промышленности. Следовательно, теория концентрации производства должна быть принимаема условно и истолковываема не в смысле вытеснения мелкой промышленности крупной, а в смысле более быстрого роста крупной промышленности, сравнительно с мелкой. Это существенная поправка. Чем же объясняется более быстрый рост крупной промышленности? Прежде всего, говорит Кропоткин, тем, что государственная власть создает монополии в пользу крупных капиталистов. В Англии каждая новая отрасль промышленности обращалась в монополию: сперва, на заре капитализма, — соль, железо, стальные и медные копи в Ньюкастле, стеклянная промышленность, производство меди и т. д., а затем, в XIX веке, — железные дороги, океанские пароходные линии, телеграф, концессии на постройку металлургических и горнопромышленных предприятий для поставки железным дорогам железа на рельсы, железных или стальных листов подвального отопления и топлива, потом — предприятия на постройку железных морских судов, военного снаряжения (орудия, пушки, ружья, холостого оружия и т. д.) предприятий для постройки каналов, туннелей и т. д. Нет необходимости перечислять все предприятия, указанные Кропоткиным в словах о монополии (см. «Современная наука и анархизм»). Синдикаты и тресты стали возникать с конца 90-х годов тоже при поддержке государства, так как капиталисты объединились в интернациональном масштабе для того, чтобы те привилегии, которые они имеют в своей стране, распространить на страны свободной торговли.

Таковы настоящие причины более быстрого роста

крупной промышленности, сравнительно с мелкой. Кроме этой основной причины более быстрого роста крупной промышленности, причины политической, есть еще второстепенные причины экономического характера.

Сравнивая мелкую промышленность с крупной, Кропоткин делает вывод, что «преимуществом фабрики является не техническая организация и не выгоды, доставляемые паровым двигателем, а более выгодные условия продажи товара и покупки сырого материала» 25). Другими словами, крупные предприятия имеют, в условиях капиталистического строя, экономические преимущества перед мелкими. Так, покупка больших партий сырья для производства (или товаров для торговли) обходится дешевле, чем покупка мелкими партиями. Затем, крупное предприятие может непосредственно сноситься с производителями, минуя посредников и покупать товар на самом дешевом и далеком рынке. Так же и в продаже, крупное предприятие меньше зависит от рынка: оно может продавать свои товары на самом выгодном, хотя бы и отдаленном рынке.

Все эти преимущества экономического характера являются вполне реальными в капиталистическом обществе, но теряют свое значение после уничтожения капиталистического строя. Даже в рамках капитализма мелкие производители могут путем объединения в кооперативы, ослабить свою зависимость от рынка и приобрести те выгоды, которые имеет на рынке крупное предприятие 26). После уничтожения власти капитала и рыночных отношений, исчезнут экономические преимущества крупных предприятий перед мелкими.

Конечно, есть такие промышленные предприятия, которые должны быть крупными, благодаря самому характеру производства. Таковы машиностроительные заводы, кораблестроительные верфи, чугунолитейная и горная промышленность 27). Но такие отрасли промышленности не составляют вовсе большинства в народном хозяйстве: численное преобладание на стороне остальных отраслей промышленности.

Но в большинстве случаев «большие фабрики являются только совокупностью самых разнородных производств под общим управлением». В других же случаях, как например, наши громадные прядильные и ткацкие заведения, представляют из себя только собрание под одною крышею многих, совершенно одинаковых машин. Первое, т. е. соединение разнородных производств под одним управлением, имеет место потому, что капиталист получает выгоды от всех стадий переработки сырого материала, а вовсе не потому, что это технически необходимо. В часовом деле и других мелких производствах подразделение производства между многими мастерскими не встречает никакой помехи с технической стороны. А в Манчестере даже производно хлопчатобумажных тканей разделено между несколькими фабриками по различным стадиям обработки (28).

Что же касается объединения под общим управлением совершенно одинаковых машин, то такое вызывается только стремлением капиталиста к увеличению прибыли. Это дает ему возможность ставить свои изделия дороже. Но с технической

точки зрения выгоды такого совмещения часто весьма сомнительны» (29).

Противники мелкой промышленности часто указывают, что «каждая промышленная фабрика имеет свои машины, свои инструменты, свои здания, свои каналы, свои электрическое распределение силы с центральной станции вполне устраняет» 29) всякое различие в стоимости затрат на энергию в крупных и мелких предприятиях. Распространение электрической энергии устраняет основные технические преимущества крупных предприятий перед мелкими.

Больше того, машина до сих пор еще не может целиком вытеснить ручной труд. «Машина заменит ручную работу для производства незатейливых вещей, и ручная работа несомненно будет применяться, как к художественной окончательной отделке тех вещей, которые теперь всецело делаются на фабрике, так и к новейшим производствам» 30). «Новые же отрасли промышленности... всегда развиваются сначала в небольшом размере» 31).

Таким образом Кропоткин, учитывая факт последовательного развития народов, — с одной стороны, и необычайную живучесть мелкого производства — с другой, и, кроме того, объясняя наблюдающуюся во многих отраслях промышленности концентрацию капиталов стремлением капиталистов к монополизации рынка, подчеркивает факт децентрализации промышленности в рамках капиталистического общества и настаивает на необходимости еще большей децентрализации ее после социальной революции.

IV.

«Перестройка общества на социалистических началах будет невозможна, пока фабричная, обрабатывающая промышленность, а следовательно и благосостояние фабричных рабочих будут строиться, как они строятся теперь. на эксплуатации крестьян своего же народа, или других народов» 32). Это — во-первых. А во-вторых, реальное и крестьяне только выиграли бы от соединения с промышленностью, если бы промышленность в деревне строилась не в виде современной капиталистической фабрики, а в виде кооперативной организации, где все работы выполняются машинами и техническим знанием» 33).

Кропоткин неоднократно подчеркивает мысль, что процесс деления промышленности для социального прогресса. Революционные изменения расширяют современную местную промышленность, устраняют ее техническую необходимость обособления 34). Уничтожив капиталистическую систему, мы будем иметь более простые. Не только каждый народ, но каждый район будет снабжать своим собственным производством и потребностям, как машиностроительных заводов, так и продуктов сельского хозяйства 35). Для этого необходимо после революции «заботиться о распространении промышленности по всей стране, т. е. переместить основные фабрики в деревни и изгнать из земледелия все те элементы, которые оно может дать от соединения с промышленностью» 36).

Следовательно, с анархической точки зрения необходимо все фабрики и заводы, представляющие собою сое-

линение под одной крышей одинаковых машин или последовательных процессов производства, преобразовать в мастерские и распространить их по деревням. Вместе с ними должна быть распространена и рабочая сила и технические знания. Таким образом, должна быть повсеместно создана *техническая* среда, без которой не может быть прогресса ни в области промышленности, ни в области земледелия. В создании такой технической среды — залог расцвета новой культуры.

Таким образом, стремление трудящихся к *интеграции* и *децентрализации* промышленности являются предпосылками анархического коммунизма. Только интеграция труда ведет к действительному уничтожению классов, уничтожению эксплуатации человека человеком. Только децентрализация промышленности служит условием строительства социализма в одной стране (и тем в большей мере, чем меньше данная страна) и экономической основой для действительной автономии каждой коммуны. Без децентрализации промышленности не может быть политической децентрализации, не может быть анархии. А без интеграции труда не может быть коммунизма.

Децентрализация промышленности и интеграция труда — основные условия строительства анархо-коммунистического общества. В дальнейших статьях мы остановимся на тех основах экономического учения анархизма, которые не были затронуты в настоящих статьях, но были намечены в напечатанной несколько лет тому назад статье «Венок на могилу Кропоткина»³⁷⁾ (первенство потребления, теория ценности). В частности остановимся на тех элементах экономического учения анархизма, которые характеризуют предпосылки разрушения капиталистического строя (учение о классе, социальная база анархизма).

В. Худолей.

Указатель работ, которыми пользовался автор при построении статьи «Основы экономического учения анархизма»

17) Кропоткин. — «Современная наука и анархия», 217 стр.

18) Кропоткин. — «Современная наука и анархия», 216 стр.

19) Туган-Барановский. — «Основы политической экономии», 207 стр.

20) Нархартин. — «Новый Мир».

21) Кропоткин. — «Речи бунтовщика», 338 стр.

22) Письмо Кропоткину Атабекяну, см. «Почин», № 3 за 1922 г.

23) Там же.

24) Туган-Барановский. — «Основы политической экономии», 169 стр.

25) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 178 стр.

26) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 180 стр.

27) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 187 стр.

28) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 188 стр.

29) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 188 стр.

30) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 187 стр.

31) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 1189 стр.

32) Кропоткин. — «Речи бунтовщика», 347 стр.

33) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 186 стр.

34) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 192 стр.

35) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 12 стр.

36) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 192 стр.

37) Худолей. — «Венок на могилу Кропоткина», «Волна» за 1924 или 1925 г.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА

ГЛАВА 3. ДВА ЛАГЕРЯ

(Продолжение)

В чем же состоят эти наши внутривластные трудности, которые нам необходимо преодолеть? В чем заключается эта внутренняя сторона нашей задачи, решение которой в целом состоит в необходимых предпосылках для начерпывающего разрешения организационной проблемы нашего движения? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся, прежде всего, к своим собственным рядам.

Что представляет собой нынешнее лицо всего того, что причисляет себя к анархическому лагерю? Какие течения и группировки в нем наблюдаются, по каким линиям идет расхождение наших рядов? Нам необходимо точно уяснить себе расстановку сил внутри общеполитического движения.

Во-первых, мир анархистов и всех тех, кто причисляет себя к анархизму, делится в основном на два по существу враждебных, чужеродных, принципиально — непримиримых лагеря. Препятствие, протекающее между ними, далеко не всеми замечено, ничем не может и не должна быть устранено, никаких мостиков, никаких компромиссов! Здесь возможна только война или полный каннибализм друг перед другом. Переход в стан противника на основе полного расрыва со своей настоящей сущностью. Только так стоит вопрос.

нейшая литература. Полное изучение всего того, что по этому вопросу опубликовано, потребовало бы очень много времени и надолго задержало бы работу. Да и вряд ли при первой попытке наметить общие контуры русской анархической мысли такое подробное изучение необходимо. Не исключая возможности, что более углубленное изучение русской общественной мысли могло бы открыть новые учения с анархическим оттенком, я все же беру на себя смелость заявить, что основные, краеугольные этапы в развитии анархической мысли в России в этом труде выявлены полностью и намечены правильно.

История анархического движения изложена мною только по опубликованным уже в печати данным. Использовать архивные материалы я по понятным причинам не мог. А собранный мною с большим трудом различный материал в виде прокламаций, воззваний, отчетов анархических организаций и пр. (равно, как и приготовленные к печати первые главы этой работы) дважды — в 1920 и 1925 годах — по независящим от меня обстоятельствам погибал и оказывался недостижимым для моего использования.

Наконец, должен указать, что я старался быть объективным по отношению ко всем без изъятия оттенкам анархической мысли и движения. Насколько это удалось, судить не мне.

В этой работе я рассматриваю историю только современного анархизма, понимая под этим только те анархические учения, которые нашли свое воплощение в литературном изложении и связаны в той или иной мере с использованием для своего обоснования данных науки. История народного самобытного анархизма, базирующегося на религии и изустной передаче, настолько интересна и своеобразна, что ее нужно рассматривать отдельно, что я и намерен сделать в особой работе.

Рассмотрение анархизма в России в настоящей работе я начинаю с XVIII-го века, так как только в это время появляются в нашей литературе произведения и учения, несущие в себе кое-какие задатки анархизма.

И. Хархардин.

ГЛАВА I

РОССИЯ В XVIII ВЕКЕ

Значение XVIII века в истории России. Рост территории, населения и промышленности. Параллельное развитие сельского хозяйства, промышленности, торговли — внутренняя и внешняя. Сословно-классовый состав населения: дворянство, купечество, крестьяне, крепостные. Политические права и экономическое положение сословий. Крепостное право. Распределение населения в конце века в сословно-классовом отношении. Культурный уро-

вень русского населения в XVIII веке. Влияние западно-европейской мысли на русское общество.

XVIII век в истории России занимает особое и почетное место. Это было время, когда Россия из второстепенной державы, являющейся объектом международной политики, превратилась в государство первой величины, с которым все другие западно-европейские государства принуждены были считаться, как с серьезной силой. Ряд удачных войн, проведенных Петром I и его преемниками, закрепил это положение. В это столетие была окончательно завершена работа московских царей по собиранию во единое основных русских земель, и, кроме того, началась весьма интенсивная деятельность по расширению территориальных границ России на западе, юге и в Средней Азии. В результате, по словам А. Корнилова, в период царств. Екатерины II «международное положение России было таково, что не только не могло возникнуть каких-либо опасений за неприкосновенность границ, но, пользуясь положением могущественной великой державы, эксплуатировавшая слабость своих соседей, Россия могла проявлять огромное влияние на международные отношения всего цивилизованного мира» *). Наконец, XVIII век был веком окончательной и прочно закрепленной европеизации России, веком быстрого, по сравнению с предыдущими, культурного роста населения, особенно его социальных верхушек. Это столетие было также эпохой сильного экономического развития русского народного хозяйства.

О темпе превращения России из второстепенной державы в великую и о росте ее внутренней мощи можно судить на основании одного того, что за три четверти столетия население ее увеличилось почти в три раза. Вычисления, произведенные на основании ревизских сказок, дают следующую картину роста народонаселения России в восемнадцатом столетии (в мил. жит.*):

1 ревизия	1724 г.	13
3	1762 г.	19
5	1796 г.	36

Увеличение числа жителей, по данным о темпах естественного прироста, по оценке Густава Савина, к концу XVIII-го столетия в России выросло в 1,5 раза. О скорости роста, как это видно из приведенных цифр, рост населения шел в последние три десятилетия XVIII-го века, причем в 36 мил. поданных в 1796 году, 7 мил. жителей принадлежало на вновь присоединенные местности**).

* А. Корнилов. — Курс истории России XIX в. Часть I. Москва. 1918 г., стр. 17.

** Н. П. Мухоморов. — Очерки по истории русской культуры. Ч. I, стр. 24 и пр.

**) А. Корнилов. — Курс истории России XIX века. Ч. I, стр. 148.

Умножение народонаселения сопровождалось ростом плотности. Если в 1724 году на одну квадратную версту территории, входившей тогда в состав России, приходилось 4,3 человека, то в 1796 г. плотность населения поднялась уже до 9 человек на кв. версту ***).

Более населенными оказались, конечно, центральные районы, плотность населения остальных районов падала по мере отодвигания их от центра. Так, во времена первой ревизии в Московской губернии плотность составляла 29,4 человека на кв. версту, в Киевской — 11,2, Смоленской — 7,2, Озовской — 3,9, в Сибири — 1,9 и т. д. ****).

Основой хозяйственного благополучия России в XVIII веке являлось сельское хозяйство. Но оно носило экстенсивный характер. В начале столетия России еле-еле хватало хлеба собственного производства. Некоторые же районы, особенно центральные во многом питались хлебом, привозимым из других губерний. Начавшаяся земельная тестнота на территории, расположенной вокруг Москвы, способствовала развитию в этих местах трудоинтенсивных культур — конопли и льна. С присоединением во 2-й половине века южных окраин (Новороссии и часть Кавказа) Россия становится чисто сельскохозяйственной страной с громадными избытками хлеба. В течение века в сельском хозяйстве появился кроме того целый ряд новых отраслей — шелководство, виноградарство, специальные отрасли животноводства и так далее.

Промышленная деятельность в первое десятилетие XVIII столетия имела вид кустарного и ремесленного производства. И то, и другое в большинстве случаев было тесно связано с сельским хозяйством. Кустарные промыслы, развивавшиеся в деревне, велись крестьянином или на свой риск и страх, или же под руководством помещика. Экономическая политика Петра I, рассчитанная на развитие собственного туземного производства промышленных изделий и фабрикатов, ранее ввозившихся из-за границы, вызвала появление мануфактуры. Одновременно с этим развивалась и переработка продуктов сельского хозяйства. Развитие фабричного производства пошло настолько быстро, что в 20-х годах правительство насчитывало 233 фабрики*). Количество рабочих на них очень трудно установить, но оно несомненно исчислялось десятками тысяч. Доказательством этому можно считать тот факт, что на девяти казенных горных заводах в пределах Урала было до 25.000 рабочих, а на одной только государственной Московской парусной фабрике — более 1.000 рабочих. Владельцем фабрик того времени было преимущественно купечество. Рабочий контингент главным образом состоял из крепостных крестьян, приписанных к фабрике, и разного сброда, отдававшегося на «исправле-

ние» на фабричные работы. Вольно-наемные рабочие из горожан или крестьян, отпущенных на оброк, составляли еще сравнительно незначительную часть. Однако, в 1741 году на 37.862 рабочих приходилось 12.497 человек или 31% вольнонаемных**). С середины века увеличивается число фабрик, принадлежащих дворянству. В 1773 году из 394 фабрик 66 принадлежали дворянам, но это были наиболее крупные предприятия, и их оборот составлял одну треть общего оборота всех фабрик***). Кроме того, дворянство одновременно стало усиленно производить первичную переработку продуктов своего сельского хозяйства, заводя винокуренные заводы и проч. Рост промышленности был настолько интенсивен, что за сравнительно короткий промежуток времени Россия вошла в круг промышленно-развитых стран. В 1762 году у нас уже считалось, за исключением горных, 984 фабрично-заводских предприятия. В 1796 г. их было 3.161*). О производственной мощи фабрично-заводской промышленности дает представление сообщение М. И. Туган-Барановского, что в 1773 году «по далеко неполному расчету» стоимость производства русских фабрик (без горных заводов) оценивалась в 3.548 тысяч рублей на деньги того времени**). На исходе века появляются фабриканты — крестьяне, но их вначале было очень немного.

В связи с ростом промышленности и углублением дифференциации сельского хозяйства усиливается внутренний и внешний товарооборот. В середине XVIII века обороты внутренней торговли составляли 22 миллиона рублей***). Весьма заметно растет и внешняя торговля. Вот некоторые показатели этого. В 1701 году в Россию пришло 103 иноземных судна, а в 1725 году — 926 кораблей****). Рост внешне-торговых оборотов виден из следующей таблицы:

годы	вывоз	общий оборот	в миллионах рубли
1742 - 45	3,9	5,0	8,9
1776 - 80	8,2	12,8	21,0
1796	11,9	67,7	100,6
1800	16,5	61,5	108,0

За полстолетия ввоз и вывоз выросли в 12 раз каждый в отдельности. Внутренняя торговля находилась в руках скупщиков, но в торговом обороте интенсивно уча-

**) Проф. В. И. Пичета. — История народного хозяйства в России XIX - XX вв. М. 1923 г., стр. 28.

***) Там же, стр. 28.

*) М. Туган-Барановский. — Русская фабрика в прошлом и настоящем. Том I. П. 1907 г., стр. 45. Другие исследователи (Семенов) приводят меньшие цифры.

*) Там же. П. А. Рожков полагает, что для этого же года определяет стоимость фабрично-заводской продукции в сумме 5.548 тыс. руб. (Русская история в сравнительно историческом освещении. Том 7. П. М. 1923 г., стр. 351).

***) В. И. Пичета. — История народного хозяйства в России XIX-XX вв. Ч. I. М. 1923 г., стр. 19.

****) Н. Рожков. — Русская история. Том 5, стр. 144.

*****) В. И. Покровский. — Сборник статистических сведений по внешней торговле России. Том I, стр. XXXI-XXXIX.

***) Н. Н. Малицкий. — Очерки из истории русской культуры. Т. 4. Ч. I, стр. 24-27.

****) Там же.

*) Н. Н. Рожков. — Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 5. П. М. 1922 г., стр. 134.

личество монастырских крепостных доходило до 20 тысяч душ*) Но секуляризация церковных владений, пришедшая на смену 1764 года, потребовала материальную базу для существования. С тех пор оно стало своеобразным чиновничеством, состоящим на жаловании у государства и всецело зависящим от правительства. По показаниям уже упоминавшегося Ф. Ф. Филарета в это время в России насчитывалось черного и белого духовенства с семьями послед него до 300.000 человек**).

Промежуточный слой между привилегированными сословиями и крестьянством составляло население, жившее в городах. Оно состояло из разнообразных экономических категорий. Жалованная грамота городам, изданная Екатериной II в 1785 г. одновременно с жалованной грамотой дворянству, различала в городском населении такие категории: 1) купцы, 2) ремесленники, 3) посадские (старожилы) 4) домовладельцы, 5) именитые граждане (тогдашняя интеллигенция и крупная буржуазия), 6) иностранные купцы и мастера. Вся эта разнообразная масса получала по этой же грамоте ограниченные права самоуправления. О численной эволюции отдельных разрядов городских обывателей на протяжении века за отсутствием данных говорить трудно. В отношении купечества — наиболее интересной с экономической точки зрения группы — известно, что в 1724 году в России было 112.385 человек купцов. 3). В их среде было уже много людей с солидными капиталами. Состояние некоторых одиночек в переводе на довоенное исчисление доходило до миллиона рублей. Несмотря на значительный удельный вес городского населения в народном хозяйстве страны, его политическое значение было ничтожно за исключением той части домовладельцев, которые в сословном отношении принадлежали к дворянству.

Совершенно политически бесправной массой было крестьянство, составлявшее свыше 90 % населения России. Сложившиеся ранее различные формы крепостной неволи и зависимости крестьянства от помещиков были подвергнуты при Петре I частичной унификации. В результате «во всех сферах юридических отношений в личных, имущественных, корпоративных правах наблюдается в первой половине XVIII века ясно выраженные тенденции к уничтожению остатков свободы, к полному господству крепостного права. В это же время были ограничены права крестьян в области имущественных отношений, так как крестьянину было запрещено брать кабацкие и таможенные сборы на откуп, а наряду с этим помещик был сделан ответственным лицом за своевременную уплату податей его крепостными. По

существу, уже при Петре I было установлено деление крестьян на две большие группы — крепостных, или частично — помещичьих, и государственных крестьян. В 1724 году по данным ревизии числилось крепостных людей — 4.364.653 души мужского пола, государственных крестьян — 1.036.389 душ 2), что дает около 9 млн. душ обоего пола крепостных и свыше двух млн. государственных крестьян обоего пола. При последующих правительствах положение крестьянства все более и более ухудшалось. Особенно тяжело оказалось положение частично — помещичьих крестьян, в распоряжении которых помещик получил полную волю. В течение XVIII века правительство исподволь, но неуклонно подготавливало лишение крепостных крестьян личных и имущественных прав. На протяжении каких-либо 50-60 лет после смерти Петра I помещик в своем поместье превратился в отношении своих крестьян в полновластного государя 3). Помещик не мог только казнить своего крепостного, в остальном же мог делать с крестьянами все, что угодно — продать, отдать в солдаты, отправить на поселение в Сибирь, подвергнуть аресту и телесному наказанию и проч. Нередки были случаи и умерщвления крестьян помещиками, хотя по закону это должно было преследоваться. Наличие такого закона не мешало, однако, некоей салтычихе засечь до 200 человек. Крестьяне не имели совершенно никакой легальной возможности бороться с произволом помещика, ибо у них для этого была отнята самая простая возможность — приносить жалобы власти. Положение казенных крестьян было несколько лучше и в правовом, и в хозяйственном отношении. Еще более сносно было положение свободных землепашцев, живших на севере и северо-востоке, и однодворцев — потомков бывших низших служилых людей. Но и казенные крестьяне, свободные землепашцы, и однодворцы в общем были все же бесправными на — сынками общества того времени.

Вместе с тем крепостное право, усилившееся с течением времени, повело за собой усиление и экономической эксплуатации крепостных помещиками. Об этом можно судить по следующим фактам. В начале XVIII века, когда крепостное право было введено, душевой надел составлял от 40 до 60 десятин, а оброк, составлявший в начале столетия от 40 коп. до 1 руб. с ревизской (мужской) души, к концу века дошел до 5 руб., тогда как издержки жизни было значительно меньше 1).

Вместе с тем шло расширение крепостного права на новые сословия и области. В 1763 году Екатерина II издала указ, по которому крепостное право распространялось на государственных крестьян и закрепощение южных крестьян, ранее свободных. За сто лет от

*) В. И. Пичета. — История народного хозяйства в России, XIX - XX вв. М. 1923 г., стр. 35.

**) Ф. Ф. Филарет. — Русская история. Ч. IV. М. 1912 г., стр. 122.

1) П. П. Романов. — Русская история. Т. 5. М. 1922 г., стр. 146.

2) П. П. Романов. — Русская история. Т. 5. М. 1922 г., стр. 180.

3) В. О. Ключевский. — Курс русской истории. Ч. I. М. 1918 г., стр. 180.

4) См. об этом подробнее: Пичета В. И. Крестьянство в России. М. С. Алексеев. М. О. Митин. М. 1919 г.

5) П. П. Романов. — Население землевладельческих крестьян. М. 1913 г., стр. 21 и 22.

царствования Петра I-го до царствования Александра I-го было пожаловано дворянам более двух миллионов крестьянских душ обоюбого пола вместе с землями, которые они обрабатывали... Путем таких императорских подарков перешло в собственность дворян от 12-ти до 20 мил. десятины земли, населенной крестьянами». 2).

Ответом на усилившийся крепостной гнет со стороны крестьянства в первые десятилетия века были частые и широкие побег в незаселенные места, а когда, с расширением границ государства, побег стали все труднее и труднее, крестьянство обратилось к единственному средству, имевшемуся в его распоряжении, — к восстаниям. В 1762-69 г. г. было около 40 восстаний и волнений, в 1773-75 г. г. широкой волной разлилось восстание Е. Пугачева, за 1776-1796 годы зарегистрировано 20 волнений, а в 1796 и 1797 годах число волнений возросло до 278.

К концу XVIII века мужское население России распределялось, согласно данным 4-ой ревизии, произведенной в 1783 г., таким образом (без вновь присоединенных территорий 1).

частных помещичьих крестьян	6.678.239
казенных крестьян	4.674.603
однодворцев и вольных людей	773.656
мещан	293.743
купцов	107.408
дворян, духовенства, чиновников	310.880

Всего 12.838.529

Таким образом, 94,5 % населения состояло из крестьян, из которых 55 % было закабалено во владении помещиков; привилегированные слои — дворянство, духовенство и чиновничество — составляли 2,4 % населения, а городские жители — купцы и мещане — 3,1 %

В культурном отношении XVIII век в России протекал под знаком приобщения к достижениям западно-европейской культуры. В восприятии западного духа участвовали только верхи тогдашнего общества, а именно, дворянство и горожане. Политически и экономически угнетенное крестьянство, конечно, не могло приобщиться к западной культуре по вполне понятным причинам. Но и в привилегированной среде многие слои оказались вне воздействия новых веяний. Первые 30-40 лет были периодом внешнего и, можно сказать, чисто школьного, ученического восприятия иноземных учений. С середины же столетия делаются все более удачные попытки самостоятельного творчества на основе того идейного и умственного багажа, который был почерпнут из ознакомления с завоеваниями передовой западно-европейской мысли. В царствование Петра I-го влияние западного духа сказало прежде всего в петербурге, который начал проявляться русским обществом к светской науке и литературе. До 18

века и даже в продолжение первых десяти лет XVIII столетия, духовная литература решительно преобладала над светской. С 1705 же года проявляется уже небольшой перевес второй перед первой. Этот процесс в царствование Петра I-го шел таким образом: в первое десятилетие XVIII века в среднем ежегодно издавалось 11 духовных и 7 светских книг, а в 1720 - 1725 годах каждый год в среднем издавалось только 6 духовных книг и 16 светских 1). Позднее, несмотря на падение издательского дела в 1726-1750 гг., наблюдается еще более резкий перевес светской литературы над духовной. Во второй половине века издательское дело развивается очень быстрым темпом. Свидетельством этого могут быть следующие данные о выпуске книг в среднем за год 2):

Годы	Колич. книг
1761 - 1770	105
1771 - 1780	147
1781 - 1790	269
1791 - 1800	266

Уже один тот факт, что за последнее десятилетие издавалось книг в 15 раз больше, чем в первое десятилетие века, говорит о сравнительно быстром культурном росте русского общества. При этом характерно, что к концу анализируемого столетия количество переводных изданий все время относительно уменьшается, а число изданий русских авторов растет. Одновременно же происходит процесс постепенного вытеснения технической литературы литературой изящной и по общественным вопросам.

Не останавливаясь подробно на изучении иностранных влияний, наиболее сильно отразившихся в русской литературе, укажем лишь на то, что многие из русских писателей, затрагивающих социальные темы, находились под влиянием идей французских мыслителей. Г. В. Плеханов говорит о русской общественной мысли XVIII века, что «французскому влиянию она обязана гораздо больше, нежели влиянию всей остальной Европы. Впрочем, вся остальная Европа тоже находилась тогда под сильнейшим влиянием Франции»***). Учения Руссо, Монтескье, Вольтера, Гюбнера и других оказали на русскую мысль огромное влияние в произведенных русскими мыслителями. Можно привести пример с Монтескье. Его идеи сказались в работах князя Щербатова, князя А. Голицына, Екатерины II, Новикова, А. Н. Радищева и др. Даже мало заметные и почти почти забытые французские авторы перешли в русскую литературу. Так, например, на Радищева повлияли такие французские писатели и такие французские философы, как Жюльен, Лок, Гоббс и Монтескье.

1) Н. Пикаревский. — Наука и литература при Петре Великом. Том II. П. 1862 г.

2) Библ. дан. по В. Сидорскому. — Очерки из истории русского романа. Том I. Вып. II. П. 1910 г.

***) Г. В. Плеханов. — История русской общественной мысли. Том 3. П. 1918 г., стр. 97.

*) А. Багумяцкий. — Пятидесятилетний период народничества в русской художественной литературе. Киев, 1907 г., стр. 68.

1) Н. Г. Арсеньевский. — Очерки по истории культуры в России. Киев, 1921 г., стр. 62.

1) А. Корнилов. — Курс истории России XIX в. Ч. I. М. 1918 г., стр. 19.

Нряд с французскими заметно, особенно к концу века, влияние английских и немецких писателей, но их роль в развитии нашей общественной мысли никогда не имела подавляющего значения.

Знакомство с просветительной литературой и общественной жизнью Запада вынуждало выработать то или иное отношение и к идеям, проповедуемым ею, и к социальному строю, царившему в России. В начале века «в умственном и нравственном развитии дворянство, — пишет В. О. Ключевский, — не стояло выше остальной народной массы и в большинстве не отставало от нее в несочувствии к еретическому Западу**»). С течением времени положение во многом изменилось. Только захудалое провинциальное дворянство оставалось по-прежнему далеким от интереса к новым веяниям. Все же столичное дворянство и дворянство возглавлявшее провинциальный государственный аппарат, сталкивалось с ними и неизбежно должно было выработать свое отношение к ним. В равной мере интерес к новым идеям сказался к концу века и в гуще городского населения. Этому много способствовало распространение в его среде образования. Так, М. Н. Покровский пишет, что купцы в то время были сплошь грамотны, а Новиков объяснял успех своих журналов, в частности «Живописца», тем, что он пришелся по вкусу мещанам, т. е. городским жителям. В привилегированной среде сложилось тройное отношение к западному влиянию. Одни, как И. Н. Болтин, отнеслись к западным идеям подозрительно и скептически*). Другие, как князь Щербатов и А. Н. Радищев, критически воспринимали и перерабатывали то, что давала заграничная мысль**). Третьи рабски воспринимали ее со всеми недостатками и нередко доводили до абсурда. Во всяком случае, несомненно, что у некоторых представителей двух последних групп, под руководством западно-европейской литературы, обнаружилось широкое распространение атеизма***), сочувствие революционным французским идеям и попытка разрешить социальный вопрос или, по крайней мере, изжить наиболее жгучие недостатки тогдашнего политического строя. Увлечение революционными идеями у некоторых было, по видимому, довольно сильно. Есть сведения, что в штурме Бастилии участвовали и русские аристократы, находившиеся в то время в Париже; в Москве в 80-х годах были сторонники республиканского образа правления; кадеты, вероятно, по молодости и неопытности увлекались марсельезой****), а взятие Бастилии вызва-

ло радость во всех кругах населения*). Таких примеров можно привести достаточно много. В. В. Синовский, исходя из детального изучения тогдашней литературы, утверждает, что «русское общество, несомненно, сильно было затронуто политическими мечтами времени**») и что «философские и политические идеи века в тогдашнем русском обществе были распространены шире и глубже, чем это вообще принято думать***»). Распространению этих идей сильно содействовала обнаружившаяся страсть к чтению****).

Что касается попыток самостоятельной критики существующего строя, то они были далеко не революционными. Внимание даже таких передовых людей своего века, как Радищев и Новиков, сосредотачивалось на борьбе с пережитками старины в нравах и обиходе населения, с произволом крепостного права и изредка в несколько туманной критике самодержавия. В относительной узости критики сказывалось и наличие цензурных стеснений и целый ряд других условий социального порядка, о которых будет сказано ниже.

И. Харламов.

Продолжение следует

Тираны и мученики

В Защиту Симона Радовичского.

Не новость говорить о тиранах, но и не новость говорить о мучениках. Мы знаем, что история человечества богата и тиранами и мучениками.

Знакомясь с мировой историей прошлых веков, мы находим, что в борьбе за свободу, в борьбе за лучшие жизненные условия было пролито много крови — безчисленные жертвы всегда падали на алтарь свободы, — и кто знает, кто может предсказать, что в будущем, когда найдутся люди, желающие более счастливой жизни, не будет проливаться кровь во имя нового освобождения! Мы знаем, что развитие человечества идет по такому пути — льются без конца реки крови.

Знакомясь с мировой историей, мы находим героев, отважность которых состояла в том, что они вызывали в народах братоубийственные войны, — и кто казнил больше людей, тот считался героем. Железной рукой властвовали такие герои, — им то долгое время были подвластны многие народы. Такие герои совершали ужасные преступления. Они насильно заставляли своих подданных строить дворцы и пирамиды, а самих стра-
дать, воевать, умереть и т. д. — и если кто-нибудь человек, пожелавший указать им путь к освобождению, то они преступным образом распинали его.

Знакомясь с историей человечества, мы находим героев, отважность которых состояла в том, что они

***) В. О. Ключевский. — Курс русской истории, Ч. IV. II. 1908 г., стр. 80.

*) И. В. Плеханов. — История русской общественной мысли, т. II, 1904 г., стр. 119.

*) И. В. Плеханов. — Там же, стр. 122 и в дополнении.

*) Ф. Гершензон. — Русские вожди дворянства при Бастилии. Изд. в издательстве «Грэм» (Лондон). Духовная библиотека, вып. 1893 г., вып. 3, стр. 111 и далее при-
водится много примеров для распространения атеизма.

****) И. В. Синовский. — Политическое и общественное движение в России в XVIII в., II. 1909 г., стр. 2 и 3.

*) И. В. Синовский. — Политическое и общественное движение в России в XVIII в., II. 1909 г., стр. 21.

**) И. В. Синовский. — Обзор по истории Русского государства, т. I, вып. I, II. 1910 г., стр. 111.

***) Там же, том I, вып. II, стр. 203.

****) Там же, том I, вып. I, стр. 3-13.

вот явился рабочий Симон Радовичский, совершивший свой знаменитый акт мести: 19-го ноября 1909 г. он убил кровожадного тирана Фалкона.

Защитники капитала и закона схватили Радовичского и заключили его в тюрьму на бессрочное время, тогда как рабочие требовали освобождения узника. Но какое значение имеют требования рабочих для их врагов — капиталистов и властителей? Разве они не прямые защитники кровожадного тирана Фалкона? И если последний «действовал» во имя капиталистов и их защитников, то Симон Радовичский своим террористическим актом безбоязненно отомстил за бесчисленные жертвы невинно погибших рабочих.

Защитники закона осудили Радовичского на бессрочное тюремное заключение. Закон не позволил им присудить Радовичского к смерти, ибо он был

еще очень молод*). Враги его, поэтому, ухитрились и осудили его на бессрочную каторгу в расчете, что долгое тюремное заключение убьет его жизнь... И вот уже 19 лет, как Радовичский томится в Аргентинской Сибири — в Усуапе, надеясь выйти на свободу.

Симон Радовичский — сын народа, которому он отдал свои силы и свободу. Давно пора, чтобы народ узнал всю правду о кровавой резне рабочих в 1909 г., устроенной тираном Фалконом. И давно уже пора, чтобы народ громко поднял свой голос за освобождение мученика Радовичского и всех других мучеников, томящихся в тюрьмах современного капиталистического строя.

П. Кропоткин

(С еврейского Л. Л.).

*) Радовичскому было 18 лет, когда он убил Фалкона (Примеч. пер.).

К ПОЛОЖЕНИЮ АНАРХИСТОВ В МУЗЕЕ ИМЕНИ П. А. КРОПОТКИНА

Предисловие

Помещенное в № 39-40 Дела Труда заявление наших московских товарищей об уходе анархистов из музея имени П. А. Кропоткина и о причинах этого ухода представило положение дел в музее в крайне общем виде. Теперь те же наши московские товарищи прислали документы, освещающие положение дел в музее более подробно, при том в порядке совершившихся фактов. Документы эти составлялись, как видно, не для печати. Но в том и заключается их особая ценность, что они в протокольном порядке фиксируют ход дела в музее. Они полностью печатаются здесь, дабы широкая анархическая среда могла видеть происшедшие в музее события в их истинном виде. В целях объективности и для уяснения всего происшедшего в музее, мы печатаем также «Публичное Заявление» А. Атабекьяна и др. (документ 2-ой), сделанное еще в 1925 г. по поводу особого инцидента в музее.

Приводимые в документах данные с неопровержимостью устанавливают, что все наши московские товарищи вынуждены были уйти из музея благодаря провокационным приемам мистиков и пособничеству им некоторых членов Исполнительного Бюро Комитета. То обстоятельство, что после ухода из музея первой анархической секции, товарищ А. Боровой вошел в музей в качестве Товарища Председателя Комитета и в течение периода, когда он был председателем Комитета, в музее не было ни одного анархиста, показывает, что наши товарищи ушли отсюда не по своей воле, а по воле мистиков. На, в частности, товарищ А. Боровой, приходится вынести решительный призыв за обратное, — за то, что он остался в музее после сентября 1925 г. и в течение всего в нем анархическую работу, как и прежде, в музее имени П. А. Кропоткина, Атабекьяна, Хархардина и др., печатаемом здесь). И если, несмотря на все это, до сих пор в музее остаются анар-

хисты в музее, наши товарищи все же, в конце концов, вышли из музея, то это может служить показателем невозможности для них, как для анархистов, быть и работать в настоящий момент в музее имени П. А. Кропоткина. Своими заявлениями, печатаемыми ниже, московские товарищи это документально доказывают.

Одновременно с этим мы здесь же печатаем выписку из Протокола Комитета за подписью С. Г. Кропоткиной и Н. Лебедева, в которой инцидентам в музее дается другое освещение (см. документ 1-ый). Товарищи, интересующиеся делами и судьбою музея, сравнят документы одной и другой стороны и сделают свои выводы.

Возникает вопрос, — как быть дальше? Анархисты, наиболее известные и наиболее уважаемые по участию в анархическом движении, вынуждены были уйти из музея. В музее воцаряется чуждый и враждебный анархизму элемент.

И не в одних мистиках, нам кажется, здесь дело. Мистики ведут в музее свою глубоко реакционную линию. Но люди, подобные Шебалину, Пальчинскому и т. д., несомненно ведут «свою линию», ибо людей без политических линий, особенно в общественных учреждениях, не бывает. Не трудно видеть, какая линия проводится в музее господ Пальчинские, Шебалины, особенно, когда они члвствуют среди нас на первых местах. Такая обстановка, за которой музею от имени мистиков, не следует говорить, сложилась в нем буржуазных тенденций. Поэтому, задача наших и других товарищей состоит в прекращении пребывания анархистов в музее.

Положение анархистов в музее навсегда останется таким, как оно есть, если самим музеем будут руководить люди, идеологически чуждые анархизму. Больше того, — если настоящее положение дел не будет радикально изменено, то через пять лет этот музей может оказаться в руках самого темного мракобесия. Чтобы этого не случилось, анархисты теперь же должны принять определенные меры. Кропоткинский дух в му-

нее может сохраниться и существовать лишь в том случае, если музеем будет руководить постоянная анархическая организация, которая будет иметь преемников своего дела в лице такой же, как и она сама, идейной анархической организации. Это дело должно быть осуществлено во что бы то ни стало. И на встречу этому делу обязаны пойти все, для кого анархизм не является враждебной идеологией, все, кому дорого имя Кропоткина, как анархиста - революционера и борца за угнетенное человечество.

Русские анархисты, десятилетие служившие русской социальной революции и в ней выросшие, более кого либо другого призваны стоять на страже всякого анархического дела в России, в том числе и музея имени П. А. Кропоткина. Оспаривать это мнение могут лишь те, кто определенно не уважает русских анархистов, кто не ценит того, что они в невероятно трудных условиях современности, не сгибаясь, держат анархическое знамя, защищают идею анархизма от яростных нападков и злостных искажений ее со стороны разного рода ренегатов — анархо-мистиков, анархо-большевиков и других врагов анархизма.

Заграничная Организация Русских Анархистов - коммунистов Дело Труда.

6-го января 1929 г.

I.

После напечатания в № 39-40 «Дела Труда» заявления 18 московских товарищей относительно музея имени П. А. Кропоткина, я в качестве парижского члена-корреспондента Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина, обратилась в этот Комитет с запросом по поводу происшедших инцидентов. В ответ мною был получен прилагаемый документ

М. Корн.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО БЮРО КОМИТЕТА ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ П. А. КРОПОТКИНА 4 ДЕКАБРЯ 1928 г.

Исполнительное Бюро Всероссийского Общественного Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина, заслушав на своем заседании 4 декабря запрос нашего Парижского корреспондента по поводу заявления А. Борового и др., напечатанного в анархистском органе «Дело Труда»,

Постановило:

Не входя в полемику с авторами вышеназванного заявления, довести до сведения наших заграничных членов - корреспондентов и всех товарищей, интересующихся деятельностью Комитета и Музея, следующее:

Утверждение Борового и Ко, что Кропоткинский Музей с 1923 года стал принадлежать анархо-мистикам, что в Доме Кропоткина нет более места ни Кропоткину, ни анархизму, совершенно неверно.

Кропоткинский Музей создан Всероссийским Общественным Комитетом по увековечению памяти П. А. Кропоткина. В этом Комитете, кроме анархической секции,

имеются еще секции: научная, литературная и общественно-экономическая, члены которых никоим образом не могут быть причислены к «анархо-мистикам».

Членом анархической секции Кропоткинского Комитета состоит М. П. Сажин, участник Парижской Коммуны и ближайший сотрудник Бакунина. Кроме того, некоторые анархисты являются членами Кропоткинского Комитета, не входя в анархическую секцию.

Кропоткинский Комитет напоминает еще раз, что «основная цель Комитета — освещение личности и творчества П. А. Кропоткина и увековечение его памяти» (ст. 4 Устава). Призная «полную свободу мышления», Кропоткинский Комитет не требует от своих членов определенного «символа веры» и ставит только одно условие: чтобы в деле увековечения памяти П. А. Кропоткина деятельность членов и секций Комитета не противоречила бы принципам и идеям Кропоткина. Вследствие этого, секции Комитета автономны в своей области, каждая из них ответственна за свою деятельность. Но в то же время Комитет считает, что Музей Кропоткина должен быть Музеем, а не служить ареною политической и межфракционной борьбы.

Лица, подписавшие вместе с Боровым заявление, в организации Музея не принимали абсолютно никакого участия и 13 человек из подписавших не были даже членами Комитета.

В январе 1928 г. Боровой предложил принять в Комитет группу в 13 человек. Бюро приняло их, но, прежде чем прием этой группы был утвержден Общим Собранием, против приема некоторых из лиц, рекомендованных Боровым, раздались протесты некоторых членов Бюро, и в том числе и С. Г. Кропоткиной. Исполнительное Бюро Комитета было вынуждено поставить вопрос о пересмотре приема этих членов. Но Боровой, не дожидаясь разбора этого дела, несмотря на просьбу присутствовать и принимать участие в разборе этих заявлений, прислал в Исполнительное Бюро заявление, что независимо от решения по данному вопросу, он уходит из членов Комитета и что вместе с ним уходит определенное и свое заявление о желании быть членом Комитета и 13 рекомендованных им лиц. Вследствие этого Исполнительное Бюро вынуждено было принять это заявление к сведению.

Таким образом и Общее Собрание должно было утвердить Борового и его группу о выходе из Комитета, но установило также, что заявление к сведению.

Утверждение Борового, что в Музее Кропоткина ведется пропаганда мистицизма, неверно. Если Музей посвящен исключительно жизни и творчеству П. А. Кропоткина и выявлению его значения на международное революционное движение, то, естественно, по Музею.

Объяснения в Музее даны секретарем Комитета В. Лебедевым, никаким отношения к мистицизму не имеющим.

Присутствовавшая С. Г. Кропоткина
Секретарь: Н. Лебедев.

С подписавшим Бюро

Секретарь Кропоткинского Комитета
Н. Лебедев.

II.

ПУБЛИЧНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Анархическая секция Кропоткинского Комитета, не входя в детальное изложение фактов, вызвавших склоку в Кропоткинском музее, и оставляя за собой право вернуться к вопросу подробно, в особой брошюре, настоящим выражает свой решительный протест против тех лиц, которые не разделяя политических убеждений Кропоткина, тем не менее напали для себя возможным безответственно хозяйничать в Кропоткинском музее и даже нагло запрещать заседания Анархической Секции, которая открыто и бесприпятственно со стороны органов государственной власти собиралась еженедельно в течении 3 лет в оборудованной ею при музее — библиотеке — читальне.

Анархическая Секция клеймит позором беспримерный в истории ложный политический донос, сделанный 26 апреля на нее из-за того только, что она пренебрегла запрещением упомянутых безответственных лиц и осуществила свое право собираться в обычном своем помещении.

Анархическая Секция, констатируя, что донос был сделан М. П. Шебальным, с ведома и согласия «почетной» Председательницы Комитета, вдовы Кропоткина, тем не менее всю моральную ответственность за него возлагает на всех членов Комитета, не анархистов, до сих пор не протестовавших против этого низкого предательства, в частности на В. Н. Фигнер, Н. К. Муравьева, П. А. Пальчинского, В. К. Лебедева и других «истинных общественников», зная себя призванными лучше увековечить память Кропоткина, чем прамые его последователи-работники: учащиеся и личные друзья.

Анархическая Секция с глубоким сожалением констатирует, что к этой уродливой разношерстной группировке примкнул также Алексей Алексеевич Боровой, променяв свое идеалистическое анархическое первородство на чечевичную похлебку заместителя председателя гибридного Комитета.

В заключение Анархическая Секция, неустанно вписавшая в течении 3 лет свои материальные, умственные и моральные силы в дело увековечения памяти Кропоткина и организации музея его имени, настоящим предлагает противной стороне: или передать разрешение конфликта третьей стороне или же всем анархистам добровольно отстраниться от Кропоткинского Комитета с тем, чтобы все заведомые анархисты без различия идеологических оттенков могли бы струнироваться вокруг музея памяти своего учителя и реорганизовать Комитет на новых здоровых началах.

Исходя из убеждения, что анархисты не могут и не должны поддерживать в своем кругу и на своем почве политический донос, который не только не способствует делу увековечения памяти Кропоткина, но и вредит делу анархизма, мы предлагаем всем анархистам и анархическим группам отказаться от участия в Комитете.

Москва.

10 Мая 1928 года.

Анархическая Секция Кропоткинского Комитета.

Исполняющий обязанности секретаря:

Н. П. Бармаш.

Подписали: А. Успенский, П. Успенский, А. Успенский, Л. Успенский, П. Успенский, П. Успенский, А. Успенский, С. Успенский, Мирский; Медянец; Хархардия; Андин; Андина; Ал. Андреев; Никандрин и 15 подписей от анархической молодежи.

III.

В ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ БЮРО КОМИТЕТА им.
П. А. КРОПОТКИНА

группы бывших членов Научной Секции

ЗАЯВЛЕНИЕ

В совещании 8-го марта 1928 года, мы, нижеподписавшиеся, пришли к заключению о невозможности для нас оставаться в дальнейшем членами Научной Секции Комитета и уполномочили т. Борового внести в этом смысле заявление в ближайшее заседание Исполнит. Бюро, назначенное на 12/III-28 г.

Однако, зная, что наш коллективный уход не может не получить широкой общественной огласки, мы считаем необходимым мотивировать наше решение, дабы устранить возможные здесь недоразумения.

В течение 27 г. т. Боровой неоднократно обращался к многим из нас, убеждая вступить в Комитет имени П. А. Кропоткина.

Он указывал, что: 1) было бы желательным ликвидировать старый инцидент, возникший в связи с известным выходом анархистской секции из Комитета, доселе мешающий планомерной и дружеской анархистской работе, 2) было бы возможно сплотить анархические силы около учреждения, представляющего, несомненно, общественную ценность и вместе являющегося единственным легальным оплотом анархизма, 3) вступление компактной группы товарищей, имеющих крупный практический стаж, будет здоровым противовесом тому квази-анархическому течению, которое под наименованием «мистического анархизма» сидит свое прочное гнездо в стенах Комитета с утра и до вечера под предводительством т. Борового. Мы же, с нашей стороны, считали, что: 1) призыв к вступлению в Комитет имени П. А. Кропоткина, с нашей стороны, был бы не только нежелателен, но и вреден, так как он означал бы передачу на непонимание и кривотолки со стороны отдельных членов Комитета.

Наше представление против Комитета в целом и против некоторых его членов было, однако, снисходительно, чтобы тридцать т. Боровой могли возмущать общественность. Только к концу 27 г. обратившись против решения, не пробовавшего путь, предлагавший т. Боровой, и предложив внести в Научную Секцию заявление от имени 11 товарищей, выражающих желание стать членами Научной Секции. Трое из них т. т. Бармаш, Мудров и Рогачев незадолго перед этим были избраны также членами Общественно-Экономической Секции Комитета.

Наше вступление в Научную Секцию мотивировалось следующими соображениями:

а) Никто из вновь вступавших товарищей, разумеется, не мыслил себя «ученым» и не предполагал заниматься «наукой» в том или ином смысле этого слова.

IV.

В ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ БЮРО КОМИТЕТА ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ П. А. КРОПОТКИНА

Члена Комитета А. А. БОРОВОГО

ЗАЯВЛЕНИЕ

Оставляя Комитет, в котором я работал с лета 25-го года в качестве Товарища Председателя, считаю необходимым изложить мотивы, побудившие меня принять это решение.

Моя активная работа в Комитете началась с момента, когда после известной истории с уходом из Комитета анархической секции, я согласился стать Тов. Председателя Комитета.

Я пошел на это с величайшей неохотой. Я отлично понимал, что по существу приношу себя в жертву, ибо среди членов Комитета оставался единственным анархистом с несомненным именем, который мог взять на себя защиту исключительно непопулярного тогда среди анархистов Комитета и отстоять его моральное существование.

Я сделал это: 1) потому, что считал и считаю, что музей имени П. А. Кропоткина имеет самодавлеющую ценность, 2) потому, что я ни в какой мере не солидаризировался с тогдашней анархической секцией, членом которой не был и не хотел быть.

Случилось то, чего следовало ждать. Сейчас же вслед за моим вступлением в должность товарища Председателя Комитета, началась серия открытых выступлений со стороны ушедших товарищей анархистов против отдельных членов Комитета, в которых и мне было уделено немалое внимание. Никто не может отрицать, что мои открытые письма-ответы Атабекяну и Сандомирскому в значительной мере способствовали укреплению престижа Комитета в анархических кругах и помогли вообще наладить его работу.

Правда, в это время существовала уже новая анархическая секция, организованная А. А. Солоновичем, но, по существу, она еще бездействовала, а А. А. Солонович, возглавлявший секцию, как анархист, за исключением кругов «карелинцев», не пользовался устойчивой репутацией. Неавторитетной или в каком смысле была и организованная им секция.

С первых шагов моей работы в Комитете я понял, что члены Комитета, настаивавшие на моем избрании, не питают хоть сколько-нибудь прочного сочувствия к моей линии поведения. Я был нужен, как анархистское имя, более ничего. Неоднократно по принципиальным вопросам я оставался в меньшинстве. Секретарь Бюро Н. К. Лебедев должен припомнить, что не раз я говорил ему о моем желании оставить мой странный пост, в виду невозможности для меня опираться в Бюро на большинство, солидарное со мною во взглядах. Мне всячески доказывали, что я не могу этого сделать, что мне придется и оставаться.

Наступил период, когда я начал чувствовать себя привилегированным членом Бюро, а товарищи, стоявшие во главе организации, начали проявлять к моему

преимуществу в вопросах, связанных так или иначе с анархизмом, и которому большинство членов Бюро отнеслось с естественным безразличием и равнодушием, даже в разрешении этих вопросов исключительно малую роль колобанил.

Наибольшее расхождение с Исполнительным Бюро имел по вопросу о свободе пропаганды в стенах Комитета «мистического анархизма». Общезвестно, что анархическая секция Комитета состоит исключительно или в подавляющем большинстве из анархистов-мистиков. Этот факт культивирования мистики в стенах дома, посвященного П. А. Кропоткину, категорически противопоставлен его и, следовательно, анархического мироощущения все мистическое, является сам по себе уродливым.

Не будучи кропоткинцем в тесном смысле этого слова, в отношении к мистике и мистическому я всегда разделял и разделяю его воззрения. Я убежден, что здесь никакие компромиссы невозможны: никаким «анархизмом», никакими «свободой», «любовью», «терпимостью» и пр. и пр., нельзя оправдать отрицания основного философского убеждения П. А. в музее, посвященном его имени.

Я лично считаю «мистический анархизм» не только внутренне противоречивым, незащитимым с точки зрения анархического мышления и анархического чувства, но глубоко вредным для практики анархического движения. К этому следует добавить, что мистические анархисты подбираются и объединяются не столько по признаку анархизма, доселе еще, к сожалению, весьма часто ни к чему не обязывающего (поскольку речь не идет об организации, связанной дисциплиной и ответственностью), но сообщающего носителю приличный ярлык общественного радикализма, сколько по признаку мистицизма, совершенно неумовного, если не считаться с личными декларациями самого мистика.

Этот мистический элемент впервые для меня выговорил себя до конца в речи А. А. Солоновича на собрании памяти Бакунина, оставившей на меня впечатление невыносимой фальши. Позже, все чаще из кругов, которые я считал полными анархическими, стали доходить до меня возмущенные отзывы, что Кропоткин или Музей — это дело мистиков. Диспут, происходивший в 1927 г. между мной и А. А. Солоновичем, дал нам возможность высказаться обоим до конца и слушали ли не члены Комитета имени, возможность уяснить, а какова философско-эстетическая пропасть разделяет нас.

Во всяком случае, для меня и анархистов, чья деятельность была тем, что «мистический анархизм», если и имеет право на существование вообще, то не имеет никакого в стенах Кропоткинского Музея, что путь анархизма и мистического анархизма расходятся, что анархизм должен вести борьбу с «мистическим анархизмом» и т. д.

Поскольку мои полномочия пожелали мне и воспроизводить, поэтому, повторению диспутов на подобные темы, не понимал, что не так уж от их исхода по существу, они «мистическому анархизму» нужны, как реклама, как способ добывать средствами филь провать на себе внимание.

Именно после диспута, оставившего у меня впечатление чрезвычайно внутренней слабости «мистического

анархизма», у меня окончательно созрела мысль о необходимости создания группы анархистов, которые могли бы в стенах Кропоткинского Музея выявлять и защищать в противовес мистической секции, анархизм, очищенный от ивородных примесей.

Отдельные члены Бюро в частных разговорах со мной высказывали сочувствие этому плану; другие стояли на точке той обывательской терпимости, которая по-чему-то именуется свободой.

Главные трудности на первых порах я встретил среди самих анархистов, с чрезвычайным предубеждением относившихся к Комитету: лишь после долгих и настойчивых убеждений мне удалось склонить группу товарищей к активной работе в Комитете.

Всем известна дальнейшая история вступления анархистов в Научную Секцию Комитета.

Неожиданно для меня, в первом же заседании Бюро, где я выставил кандидатуру собранных мной товарищей, против одного из них был заявлен отвод — С. Г. Кропоткиной и А. А. Солоновичем.

Софья Григорьевна ссылалась на неблагоприятное, якобы, мнение Петра Алексеевича об этом товарище; А. А. Солонович — на относительно мало авторитетный источник — мнение Карелина. Неожиданно воскресла гнусная сплетня, пущенная много лет назад. Для меня ничего не оставалось, как поставить вопрос ультимативно: или побудить С. Г. Кропоткину взять отвод обратно, или принять мое заявление о выхождении моем из Комитета. На этот раз мне уступили; к сожалению, я не предвидел тогда, что мне придется еще раз столкнуться с теми же выпадами по адресу того же товарища, пользующегося в рядах старых действительных анархистов общим доверием.

Выборы 11 товарищей в члены Научной Секции прошли без каких-либо возражений со стороны присутствовавших членов Комитета, так же как и постановление Секции о представлении их кандидатуры в члены Комитета. Но уже в ближайшем заседании Бюро против вышеуказанного товарища вновь был заявлен отвод — Григорием Ивановичем Аносовым. После моих объяснений с ним, Г. И. отказался от отвода, заявив, что он воздержится от голосования списка в целом. Инцидент этим был пущен. Научная Секция приступила к назначенной ею работе. Последнее заседание, в котором были заслушаны 2 доклада гг. Рогдаева и Франческо о Малатесте, произвело на всех присутствующих превосходное впечатление. Решено было прения по докладом перенести на следующее заседание. Последнему, однако, не было суждено состояться в стенах Кропоткинского Музея.

На ближайшем заседании Бюро, происходившем под моим председательством, секретарь Бюро Н. К. Лебедев пред'явил мне для оглашения письмо Н. И. Проферансона, в котором в последние последние лет я был описан самыми лучшими, подлинно товарищескими отношениями. В этом письме, написанном по моему адресу, о якобы некорректном и несправедливом отношении к С. Г. Кропоткиной, сказано, что она была принята на заседание, в котором была принята в члены Научной Секции. Н. И. Проферансон, проведя пребывание в нашей практике — аннулирования выборов.

Это письмо было последней каплей, переполнившей долгую чашу моего терпения. Какие бы чувства ни диктовали Н. И. Проферансону его письмо, казалось, при минимуме доброжелательства он мог до устройства очередного бума обратиться непосредственно ко мне, чтобы совместно обсудить положение. Не менее вопиющим, с моей точки зрения, было поведение другого моего многолетнего товарища Н. К. Лебедева, связанного помимо всего, в качестве секретаря Бюро, со мной и постоянными отношениями совместной работы. Я считал бы его моральным долгом поставить меня предварительно в известность о характере полученного письма, чтобы мы могли совместно предпринять какие-нибудь шаги для устранения создавшихся осложнений. Оглашение такого письма непосредственно в заседании значило обнаружить по моему адресу максимум недоброжелательства.

Когда же оглашенное письмо не только не вызвало негодования по адресу его автора, но наоборот, сочувственные реплики со стороны С. Г. Кропоткиной, Н. А. Критской («следовало бы пересмотреть», «следовало бы аннулировать»), не говоря о мистиках, подготовивших эффектный выпад, я понял, что далее — ни членом Бюро, ни членом Комитета, ни Председателем Собрания — я оставаться не могу, о чем и сделал заявление. Сменивший меня на председательском месте М. П. Шебалин был, разумеется, уже бессилён помешать превращению заседания в сплошной поток непроверенных слухов и сплетен.

Таков краткий очерк событий и переживаний, побуждивших меня выйти из состава Комитета.

Прошу заявление это огласить на Общем Собрании Комитета

25 марта 1928 г.

(А. Боровой).

Мы заявили о своем выходе из состава членов Комитета, совершенно разделяя взгляды т. А. А. Борового, изложенные в этом заявлении.

На подлинном подписи Н. С. Овчинникова, Н. Овчинникова, Р. Чимбарова, А. Чимбарова, Г. Копылова, Г. Рогова, К. Н. Медынцева.

«Не входить в рассмотрение вопроса о моем выходе из состава и считать совершенно некорректным и несправедливым ситуацию, которой был подвергнут выходящий из состава Комитета по вышеуказанным причинам Н. И. Проферансон, против меня членом которого в состав Комитета в ближайшем не считать» (Пиро).

ПРОТЕСТ

Суть моего заявления группа товарищей анархистов в Москве, мистики во главе с Соловьевым, своим «протестом» гнездо в музее имени Н. А. Кропоткина. Заявление это, помещенное в «Дело Труда» № 39-40, сообщает, что эта группа подговаривала Кропоткину, бывающего иногда у себя в музее, отказаться от участия мистиков, и теперь музей оказался цитаделью последних.

Мы, группа анархо-коммунистов г. Нью-Йорка, как и товарищи в Москве, считаем, что боснии доста-

(Продолжение).

P. S.

ПЯТНАДЦАТЬ ПУНКТОВ РАССВЕТОВСКОЙ КЛЕВЕТЫ

После того, как вышеприведенная статья была написана, из С. Америки прибыл номер «Рассвета» от 3 января 1929 г. со статьей, в которой рассветовцы прибегли к такой громоздкой клевете на меня, что им потребовалось целых 15 пунктов, чтобы эту клевету как-либо разместить. О характере и качестве этой клеветы можно судить уже потому, что редакция «Рассвета», которая вообще не гнушается никакой грязью, не решилась подписаться под этой статьей своим прямым именем. Она дала под ней фиктивную подпись «Читатель Рассвета» и поместила ее в отделе «Свободная Трибуна». Этим она определенно стремилась замести следы своего прямого участия в данной клевете. А ведь статья написана, если не всей редакцией «Рассвета», то членом редакции, одним из руководителей «рассветовщины», при полном утверждении ее всей рассветовской головкой. Это видно из построения статьи, авторы которой располагают архивом бывшей федерации «Волны (нечего сказать, хорош читатель!) и которые в своей статье проводят совсем не читательскую, а специфически рассветовскую линию.

Отвечать на 15 пунктов рассветовской клеветы я не стану. На грязные обвинения рассветовцев всякий революционный анархист может только посмеяться. Для нас это все равно, что в былое время получить обвинение от Союза русского народа, традиции которого рассветовцы так доблестно поддерживают на страницах своей газеты. Та ложь и грязь, которые заключены в этих пунктах, убивают и моральное и политическое основание для ответа. Для пояснения укажу товарищам один-два примера циничной лжи авторов. В пункте 6 они заявляют, что я «Малатесту, Граву, Волина, Горелика, Моравского и др. анархистов, выступавших против платформы, называю хулиганами, клеветниками и фашистами». Эту наглую ложь авторы прикрывают ссылками на статьи. Конечно, ничего подобного ни в каких статьях не было. Хулиганом вообще никого не называли, а в фашисты попал только Моравский. В данном случае авторы хотели бы последнего, как прямого ответчика за рассветовщину, поместить между Малатестой и Гравом и сказать: смотрите, всех их Аршинов одной мерой меряет; все у него хулиганы, клеветники и фашисты. Однако, грубое шулерство рассветовцев всем бьет в глаза: Малатеста и Грав, несмотря на тактические расхождения с нами, продолжают оставаться нашими идейными и политическими товарищами и борцами, Моравский же с прочей рассветовской компанией стоит в лагере контр-революции.

В пункте 7-м авторы вопрошают, почему я «назвал Солоновича и других старых анархистов провокаторами?» Между тем они прекрасно знают, что в своем предисловии к брошюре т. Володькина, говоря о Солоновиче, я взял фразу из заявления 18 московских анархистов, напечатанного в № 39-40 «Дела Труда». Поэтому то я эту фразу и выделил кавычками. Такая же циничная ложь

во всех прочих пунктах*). Анархистом-коммунистом я был и остаюсь с 1905 года. Идею синтеза ни в каких статьях не развивал, хотя и работал совместно со сторонниками этой идеи в организациях и в периодических изданиях. Авторам на все это наплевать. Они нахально и необтесанно лгут, путаясь в вопросах анархизма, как обычно путаются все невежественные контр-революционеры. Этим они еще более обнажают свое монархическое нутро: при всем своем желании монархист никак не может попасть в тон анархической идеологии. Лгут они, ссылаясь на журналы, на статьи, на письма. Все источники, на которые они ссылаются, говорят совершенно другое. В этом убедится всякий, кто пожелает ознакомиться с этими источниками. Но без лжи эти люди уже не могут обойтись. Зажатые в железные тиски, они мечутся из стороны в сторону, ища спасения. Но погрязшие во лжи и предательстве, они ни на что более не способны, как на ложь и клевету, и на них строят все планы своего спасения. Напрасно. Преданная ими и втоптанная в грязь идея анархизма, идея освобождения трудящихся требует возмездия и до тех пор не успокоится, пока рассветовщина не будет обезглавлена.

П. А.

*) Что касается Горелика, то он был проучен (слегка встряхнут) за клевету исподтишка. Знающие Горелика этому несколько не удивились. За всякие грязные истории Горелик был бит анархистами многократно: в Екатеринославе, Киеве, в том же Берлине за неделю до инцидента со мной. И, вообще, — где и за что только его не били.

**

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРОГРЕССИВНОГО КЛУБА

(Письмо в редакцию).

Уважаемые товарищи!

Прогрессивный Клуб города Чикаго обращается к вам с просьбой поместить в одном из ближайших номеров «Дело Труда» нижеследующее заявление:

В 283-м номере газ. «Рассвет» помещена статья: «Необходимый ответ» за подписью Глушака.

В этой статье Глушак говорит, что он прочел «пасквильную, убогую и жалкую по содержанию» брошюру: «Что такое рассветовщина» — С. Володькина.

«Пасквильная, убогая и жалкая по содержанию» эта брошюра, конечно, не потому, что она в действительности такова, а потому, что в ней отражена настоящая физиономия рассветовских фашистов. А раз это так, то не может же быть, чтобы такая брошюра не являлась, «пасквильной, убогой и жалкой по содержанию».

Рассветовским Глушакам «приходится удивляться», что на основании изложенных фактов в этой брошюре, им выносят «смертный приговор» лица, прожившие 25 лет в анархическом движении.

Видите ли — эти рассветовские занесенных дел мастера выполняют чисто предательскую роль по отношению рабочих организаций и отдельных товарищей анар-

хического направления, и хотят еще, чтобы анархисты, пробывшие 25 лет в анархическом движении, воздавали им хвалу за это.

Несмотря на свою явно фашистскую работу, у этих лицемеров хватает, однако, нахальства прикрываться именами видных теоретиков анархизма, как Жан Грав, Энрико Малатеста и др. Такое прикрывание — этих поклонышников Иванов Грозных и Борисов Годуновых — свидетельствует о том, что они все еще желают слыть анархистами и вместе с этим порежнему разыгрывать роль фашистов.

После прочтения брошюры: «Что такое рассветовщина» и предисловия в ней, у них появилась «нужность» (раньше этой нужности не было — *Замеч. Клуба*) указать Аршинову на фабрикацию отчетов, помещенных в «Амер. Изв.» Указать же на свою при том действительную фабрикацию, отчетов, какая имела место в номере от 19 марта 1928 г. газ. «Рассвет» с целью дискредитировать С. Володькина и прикарманить таким образом его 111 дол., эти «фабриканты» самым благоразумным образом пропускают мимо своих глаз и памяти даже при чтении «пасквильной» брошюры того же Володькина.

В этом, между прочим, ничего удивительного нет. Воры, ведь, тоже в трудные им минуты, чтобы отвлечь сосредоточенное на них внимание публики, указывают на другого человека, находящегося вдали от них, и орут: «Лови его! Держи его!»

Обязанностью Глушаков является выплатить многим товарищам Ан-Комм. Группы и Прогрессивному Клубу не малую сумму денег, внесенных на приобретение имущества «Амер. Изв.», которое Глушаками тайно продано в Нью-Йорке. Обязанностью Глушаков также является выплатить Прогр. Клубу 1000 дол., внесенных Клубом на покупку имущества газ. «Рассвет» в Чикаго.

Так вот, если бы эти лицемерные Глушаки добросовестным образом расплатились с несуществующими для них «бездарными» организациями и отдельными товарищами, то их «творческие начала» после этого можно было бы заметить лишь при помощи микроскопа. Зато их творческие начала «велики» и очевидны в смысле расхищения имущества рабочих организаций. Продав имущество «Амер. Изв.» в Нью-Йорке, эта «творческая» публика поговаривает о продаже имущества и в Чикаго. И опять таки делается все это тайно.

Цель Глушаков таким образом, будто Прогрессивного Клуба «фактически нет», и будто федерация Ан-Ком. Гр. ликвидирована — *чисто веровская*. «Федерация ликвидирована», Прогр. Клуба «фактически нет», то кому же, в таком случае, деньги мы обязаны выплачивать — и дело у них на этом кончается.

Так поступать могут только политические жулики. Вот это то обстоятельство и заставляет рассветовских «реорганизаторов» и «ликвидаторов» скрываться под разными вымышленными именами, так изобильно пестрящими на страницах газ. «Рассвет».

Прогр. Клуб гор. Чикаго сим заявляет, что никаких Глушаков, имеющих какое-либо отношение к «Амер. Известиям», к федерации А.-К. Группы, к газ. «Рассвет» и к Прогрессивному Клубу — Клуб не знает.

Казалось бы, что там, где речь идет «о фабрикации отчетов», о «ликвидации» той или иной организации и что хуже всего — целой федерации — там не должно бы быть места псевдониму. Но рассветовские фашисты — Рубежания, Моравский, Карпик и их холоп из детройтской группы «Пробуждение» — Новия — понимают этот вопрос иначе. Для них, в целях борьбы с Ан-Комм. Группами, обирания рабочих организаций и отдельных товарищей, все средства хороши.

Их скрывание под разными псевдонимами показывает, что они могут быть не только лицемерами, фашистами, предателями рабочего класса, а и заугольными злодеями.

Прогрессивный Клуб гор. Чикаго.

(Печать Прогрессивного Клуба).

ОТВЕТ ГЛУШАКУ

В номере «Рассвета» от 28 ноября помещена статья Глушака, в которой он отвечает не на брошюру Володькина, а нелогично и по-дѣтски набрасывается на тов. Аршинова и федерацию Соед. Штатов. И для большего обмана публики он приводит ложные доказательства, что мол, брошюра до того пуста, что даже Детройтская группа отказалась ее распространять.

Мы, Детройтская группа, уверены, что как тов. Аршинов, так и Федерация группы С. Ш. и К. дадут должный ответ на нападки Глушака.

Мы с своей стороны, заявляем, что Детройтская группа вполне согласна с содержанием брошюры. И мы не только не отказались ее распространять, но уже распространили. Итак, ссылка на нас есть наглая ложь Глушака.

Детройтские товарищи, которые присутствовали на этой конференции, подтверждают, что все, что написано в брошюре, справедливо. Значит, тов. Володькин прав, и он ясно изложил, что произошло на рассветовской конференции. И лишь люди без зазрения совести, подобные Глушаку, способны выйти с ответом, вернее — с клеветой, но не против брошюры, а против тех товарищей, которые открыто и прямо указывают товарищам, что происходит за кулисами «Рассвета». Но напрасны его ложь и клевета. Цель достигнута; все более и более организации и отдельные товарищи начинают просыпаться и отходить от «Рассвета». Надеемся, что с «Рассвета» будет сорвана маска окончательно. И все сознательные товарищи отшатнутся окончательно от религиозно-националистического листка, который вводил их в заблуждение несколько лет подряд.

С братским приветом — *Детройтская Группа «Самообразование».*

ГОЛОС РАБОЧЕГО

Несмотря на то, что я малограмотный, не могу молчать и прошу «Дело Труда» напечатать посылаемое письмо.

Некто Глушак взял на себя задачу опровергнуть брошюру т-ща Володькина — «Что такое рассветовщина», но почему-то сей господин обрушился на т. Аршинова. Ведь надо опровергать факты, а Аршинов здесь не при чем. Если Аршинов написал предисловие к брошюре Володькина, то сначала надо опровергнуть брошюру, а потом предисловие. Госп. Глушак так страшно обрушился на Аршинова за то, что т. Аршинов назвал «рассветовцев» их настоящим именем — монархистами и фашистами. Да, господа народоглушители, вы таковые и есть. Вы в своей статье это сами подтверждаете, но правда колет вам глаза. Но и я, как рабочий и крестьянский сын, скажу, что вы фашисты, узурпаторы и контр-революционеры. Ибо, не будь вы таковыми, вы в вашей газете не помещали бы контр-революционных статей и заметок. Под маской рабочего вы оглушаете мозги рабочих, отравляете их совесть разными шарлатанскими объявлениями. Разве честная рабочая газета допустит такие мерзости, как печатание шарлатански-монархических объявлений? Ни одна рабочая газета этого не допустит, но для вас, глушако - рассветовцы, безразлично, лишь бы оглушить мозги рабочих да пополнить свой карман.

Товарищи рабочие! Бросьте эту контр-революционную банду глушако - рассветовцев, бойкотируйте ее, не давайте ей свои, тяжело заработанные центы на ее содержание и на содержание газеты, ведущей за вашей спиной подлое дело предательства рабочего класса. Гоните эту банду узурпаторов вон из своих организаций. Эти люди похитили наборные машины, купленные на кровные рабочие центы. И сделали они это для того, чтобы революционные рабочие, искренно борющиеся за освобождение поработенного труда, не имели своей рабочей печати. Эта банда хорошо учла, что если у рабочих будут печатные машины, то будет и газета. А раз будет газета, то будут раскрыты все проделки контр-революционной глушако - рассветовской банды против рабочих.

Еще раз взываю к вам, товарищи рабочие, — откройте ваши глаза, откройте ваш рот и заговорите так громко, чтобы все глушако-рассветовцы заглохли наконец. Эти люди поступают с рабочими и их совестью как раз так, как некоторый крестьянин с лошадью: пока он ее не уловил, то называет — кос, кос; а как только в воз, так дугой по голове, потому что уже взял в руки. Гоните их вон, ибо это сознательные, намеренные враги рабочих. Монреаль (Канада).

Мартинов.

К АНАРХИСТАМ И АНАРХИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ С.А.С.Ш.

Дорогие товарищи!

В последнее время, в связи с расколом русских анархистов в САСШ на две группы ко мне обратился ряд американских анархистов с просьбой отказаться от сотрудничества в «Рассвете» и «Пробуждении». Настоящим заявляю, что я не сотрудничаю в этих органах фактически почти два года, а официально отказался от участия в них более года тому назад. Еще 26-го октября 1927 года мною

было послано Е. З. Д. — одному из фактических руководителей этих органов, письмо следующего содержания:

«Дорогой Евгений Захарович!

Будучи загружен служебной и научной работой, я за последний год ничего не мог написать для американских изданий, но... с марта - апреля 1928 года рассчитывал возобновить присылку статей для «Рассвета» и «Пробуждения». В последнее время, однако, до меня дошли сведения, что этими органами занята своеобразная позиция в национальной проблеме и в критике большевизма, причем анархистам СССР приписывается совершение таких актов, к которым они ни с какой стороны не причастны, а если бы и оказались причастны, то я не мог бы одобрить подобные акты. Принимая во внимание резкое расхождение моих взглядов на национальный вопрос, материалистическое понимание истории, пределы и целевую установку критики большевизма, и на тактические проблемы анархизма в СССР со взглядами, развиваемыми в «Рассвете» и «Пробуждении», и не имея возможности воздействовать отсюда на изменение направления этих изданий в означенных вопросах, я принужден заявить, что до придания редакцией более приемлемого направления этим органам, я не считаю возможным возобновить сотрудничество в «Рассвете» и «Пробуждении», о чем прошу довести до сведения всех лиц и организаций, определяющих идеологическую установку названных изданий.

С товарищеским приветом. И. Хархардин.

Обращение ко мне американских товарищей с просьбой прекратить сотрудничество в указанных изданиях, показывает, что приведенное выше письмо не дошло до сведений широкого круга товарищей. Сообщая текст этого письма, я одновременно заявляю, что впредь переношу свое сотрудничество на страницы журнала «Дело Труда». Считаю, однако, необходимым оговорить, что, не разделяя некоторых положений, пропагандируемых последним органом, я не отвечаю за политическую линию журнала в целом и несу ответственность только за мои собственные статьи.

С товарищеским приветом

И. Хархардин.

ОТЧЕТ

ГРУППЫ РУССКИХ АНАРХИСТОВ ЗА-ГРАНИЦЕЙ

ОТ 6 ДЕКАБРЯ 1928 Г. ПО 6 ФЕВРАЛЯ 1929 Г.

Остаток на 6 декабря 1928 г. — 10 шил., 30 дол. 212 фр. 95 с. От Чикагской группы через тов. Волкова (12 д.) — 300 франков. 6/12 от тов. Лазарева из Рочестра (5 д.) — 125 франков. 7/12 от товарища Квятковского — 1 дол. 12/12 из Болтимора от Федеративного Секретаря (34 д.) 850 фр. 13/12 из Кюоска за «Д. Тр.» — 99 фр. 05 с. 12/12 от т. Новика из Неварка (5 д. 50) — 137 фр. 50 с. 20/12 от т. Поллак из Нью-Йорка — 2 доллара; от С. из Лондона — 1 англ. ф., т. Гинева — 294 фр., от Чикагской Группы через т. Волкова (10

дол.) — 250 фр. Из Харбина от т. Зор — 98 фр. От т. Лычека за книгу — 10 дол. От т. Хаджиева — 55 фр. От т. Я. В. старый долг — 28 фр. От группы Юнгстона через т. Бердина (3 1/2 дол.) 87 фр. 50 с.

Всего 1 англ. ф. 10 шил., 43 дол., 2537 фр.

РАСХОД

Экспедиция № 43 «Дело Труда» — 226 фр. 50 с. Упложено в типографию остаток за № 41-42 «Дело Труда» — 470 фр. Упложено в типографию за № 43 «Дело Труда» — 1472 фр. Упложено в типографию за мелкие работы — 45 фр. Трехмесячная подписка на советскую газету — 117 фр. Корреспонденция — 80 фр. Новогодние почтальонам — 38 фр. Дорожные и организационные расходы — 68 фр. 80 с. Всего — 2517. фр. 30 с.

Приход: 1 англ. ф. 10 шил. 43 д. 2537 фр.

Расход: — — — 2517 фр. 30 с.

Остаток на 6 дек. 1929 г.:

1. англ. ф. 10 ш. 43 д. 19 фр. 70 с.

ОТЧЕТ в средствах, поступающих для помощи заключенным в России анархистам от 6 ноября 1928 г. по 12 февр. 1929 г.,

Приход: остаток на 6/11 - 28 — 9 зл. 64, 25 дол., 331 фр. 60 с.; Получено 3/12 - 28 от Об-ва Помощи заключенным анархистам из Сан-Луи 85 дол.

Всего прихода: 9 зл. 149 д. 25 с. 331 фр. 60 с.

Расход: Отослано в Россию в помощь заключенным и ссыльным товарищам 114 долл. и пересылка денег 55 фр. 85 с.

ОСТАТОК на 12 февр. 1929 г. — 35 д. 275 фр. 75 с. 9 зл.

Подписной лист № 40. Собрано тов. Лычеком:

Д. Лычек — 10 дол.; Е. Козлов — 10 дол.; И. Старцев — 3 дол.; Ф. Дубатовка — 2 дол.; М. Дендук — 1 дол. 50 ц.; А. Баньковский — 1 дол. 25 ц.; Д. Трофимук — 1 дол.; Н. Смолов — 1 дол.; Д. Зволев — 1 дол.; Д. А. Мельник — 1 дол.; М. Полушев — 1 дол.; И. Бурдыка — 1 дол.; П. Громик — 1 дол.; М. Быков — 1 дол.; С. Гуцев — 50 ц.; М. Моски — 50 ц.

Итого — 36 дол. 75 ц.

МЭДИСОН. ИЛЛИНОИС

Подписной лист № 44:

А. Галаш — 1 дол. 50 ц.; М. Хведченя — 1 дол.; А. Чепурка — 1 дол.; П. Михайлов — 1 дол.; Н. Антонович — 1 дол.; М. Радивончик — 1 дол.; Д. Васильев — 1 дол.; М. Ковале-

вич — 1 дол.; С. Тюшкевич — 50 ц.; Н. Климович — 50 ц.; Т. Мацкевич — 50 ц.; И. Кулик — 50 ц.; А. Ковалевич — 50 ц.; Е. Никонович — 50 ц.; С. Якушевич — 50 ц.

Итого — 13 дол.;

СЭНТ ЛУИС. МО.

Подписной лист № 45:

В. Шургай — 2 дол.; Д. Масловский — 1 дол.; Е. Горох — 1 дол.; Д. Сергиевич — 1 дол.; П. Владимиров — 1 дол.; А. Сукало — 50 ц.; К. Верчавец — 50 ц.; Н. Сукало — 25 м.

Итого — 7 дол. 25 ц.

ОТЧЕТ

Союза Российских Тружеников г. Монреаля в средствах, собранных на поездку т-ща Чернякова из Европы в Америку:

Приход:

От Союза Российских Тружеников гор. Монреаля, Канада — 50 дол.; из Доролд, Канада через тов. С. Назарчук — 65 дол.; из Балтимора через тов. Н. Дулевий — 30 дол.; из Детройта, С. А. через тов. М. Гоголя — 10 дол.; из Балтимора, С. А. через тов. А. Юсик — 150 дол. из Сан-Луи, С. А. через тов. М. Кавалевич — 20 дол.; из Филадельфии, С. А. через тов. А. Василевского — 20 дол.; из Юнгостана, С. А. через тов. А. Петрова — 47 дол.

Итого — 392 дол.

Расход:

Послано на переезд в Европу тов. К. Чернякову — 330 дол.; за пересылку этих денег по телеграфу — 13 дол. 97 ц.; послано в помощь семейству тов. Чернякова 20 дол., пересылка 1 дол. 3 ц. — всего 21 дол. 3 ц.

Итого — 365 дол.

Остаток — 27 дол.

Секретарь Д. Душин.

Союз Российских Тружеников гор. Монреаля просит все организации, давшие эти деньги, высказать свое мнение, куда и на какие цели отослать остаток в 27 дол.; свои мнения просим присылать на Секретариат Соза Российских Тружеников г. Монреаля.

Секретарь Д. Душин.

К СВЕДЕНИЮ Т-ЩЕЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Сдан в печать и в скором времени выйдет на русском языке 1-ый том записок Н. Махно — «Русская революция на Украине». Обращаться по адресу «Дело Труда».

Статья: «Материалы по истории анархизма в России в годы царизма» (по данным Охранного Отделения) начнет печататься с 46 номера «Дело Труда».